

Михаил Бабкин

СЛИМПЕРИЯ

**Самое Лучшее Из Мировых
Произведений! Если Разобраться!
Искрометное и Яркое!**

Михаил Александрович Бабкин
Слимперия
Серия «Слимпериада», книга 3

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118487

Бабкин М.А. Слимперия: Фантастический роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»;

Москва; 2003

ISBN 5-93556-254-5

Аннотация

Пока Семен, вор с магическим прикрытием, искал достойный подарок ко дню коронации Яны, правительницы одного из самых крупных королевств Изумрудного Мира, та внезапно решила выйти замуж за его друга и телохранителя Хайка, воина из клана Болотной Черепахи. Это повергло Семена в некоторую растерянность, перешедшую в двухнедельный загул. Хорошо, что у него есть Мар, магический медальон, который вытаскивает его из нехороших ситуаций, перебрасывая из одного Мира в другой.

Но все когда-нибудь надоедает. Вот и Семен решает наконец отдохнуть и хорошенько подумать, что делать дальше. И тут он получает заказ от главы Вседисковой Гильдии Воров, Мастера Четырех Углов, выкрасть магический жезл – якобы для его личной коллекции. Так Семен знакомится с внучкой этого Мастера – Олией. К ним неожиданно присоединяется Хайк. Приключения продолжаются...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Бабкин

Слимперия

Глава 1

Старый Ловкач, Известный Мастер-Плут

Семён, присев на подоконник стрельчатого окна, смотрел вниз: здешний океан был удивительно спокойный – ни волн, ни крупной ряби; вечерний пассат еле дышал.

Облака незаметно растаяли и крупные звёзды проклёвывались одна за другой, как инкубаторские плановые цыплята; из-за далёкого тёмного горизонта медленно поднималась гигантская зелёная луна, наискось перечёркнутая ребром серебряного кольца: от яркого лунного света океан неожиданно затлел глубинными фосфорными всполохами.

Наступала короткая южная ночь.

Пансионат, в котором поселился Семён, стоял на высокой скале-волнорезе, далеко выступающей за черту берега; выглядел пансионат как старинный готический замок, чем и привлёк к себе внимание Семёна на случайно увиденном рекламном плакате. Реклама замка-пансионата обещала «незабываемые впечатления, острые и неожиданные», а также «спокойствие и домашний уют». Как одно могло сочетаться с другим, Семён не понял, но живое изображение на плакате ему понравилось (бьющиеся о скалу медленные волны; развевающиеся на шпильях длинные флаги; невероятная луна, похожая на Сатурн с его кольцами; ночная радуга звёзд) и он прибыл в этот Мир, напрямик ко входу в замок. Прибыл полчаса тому назад, как раз на вечерней зорьке. Заплатил вперёд за три дня проживания в типовом люксе на седьмом, предпоследнем этаже – завтрак, обед и ужин с доставкой в номер – и, войдя в свой люкс, первым делом подошёл к окну да так у него и задержался: уж больно красивый вид открывался с высоты!

...Небо сияло разноцветными звёздами; зелёная луна поднималась к зениту, неспешно поворачиваясь вместе с кольцом – сейчас кольцо полностью развернулось и походило на искристый ангельский нимб вокруг ночного светила; океан подмигивал частыми изумрудными бликами.

Откуда-то сбоку, со стороны невидимого берега, в поднебесное лунное сияние всплыл дракон: распахнув отливающие золотом крылья-паруса, он парил высоко над океанской гладью, слегка изогнув длинную шею и опустив морду вниз – словно высматривал что-то в призрачной океанской глубине. Например, какой-нибудь затопленный клад. Или зазевавшуюся русалку, для разнообразия.

– Красота, – шёпотом сказал Семён, как можно дальше высовываясь из окна, – просто сказка...

Наверху, этажом выше, кто-то трубно высморкался, сказал пьяным голосом: «Ящерица, пля, летает. Во глюки!» и уронил на голову Семёну сигаретный окурочок. Окурочок стукнул Семёна по затылку и, рассыпавшись искрами, упал в бездну.

– Себе на башку швыряй! – заорал Семён вне себя, – зараза!

– Хрена тебе, – сообщил голос: наверху снова высморкались и стало тихо.

– Вот и первые обещанные впечатления, – хихикнул Мар, – острые и неожиданные.

– Скорее неожиданные, чем острые, – буркнул Семён, отряхивая волосы. – Всё настроение испортил, гад! Романтику порушил. – Семён глянул на дракона – тот, взмахнув крыльями, улетел к звёздам – и с раздражением закрыл окно.

Семён отразился в стекле почти в полный рост: высокий, ладный, удачливый вор с магическим прикрытием и комбинезоном-хамелеоном в придачу; медальон по имени Мар, собственно и бывший прикрытием Семёна, висел поверх нелепой пёстрой рубахи – одет нынче Семён был крайне безвкусно. Как и положено богатому туристу в тёплых краях: попугайчья гавайка, безразмерные шорты по колено, тапочки на босу ногу. И обязательный кошель с золотом на поясном ремне.

С золотом у Семёна проблем не было: королева Яна, спасённая Семёном из колдовской неволи – правительница самого крупного королевства Изумрудного Мира, – открыла для Семёна неограниченный кредит на безвозвратной основе. Чем Семён без стеснения и пользовался. Впрочем, его расходы вряд ли могли оказаться обременительными для богатой королевской казны: покупать оптом недорогие Миры или играть на Вседисковой фондовой бирже Семён не собирался. Как и не собирался открывать какое-нибудь дело, требующее капитальных денежных вложений. Неинтересно это ему было! Другое беспокоило Семёна. Гораздо более важное, чем все Миры, вместе взятые.

...Пока Семён искал Яне достойный подарок ко дню её коронации, принцесса неожиданно собралась выйти замуж за Хайка, мастера по многопрофильному бою, воина из клана Болотной Черепахи, друга и телохранителя Семёна. Получалось, что Семён сразу терял двоих друзей... Нет, не терял, а отдалялся – потому что семейная жизнь, тем паче *королевская*, никак не совмещалась с хлопотной жизнью вора с прикрытием. Никак.

Да и Яна... Семён не то, чтобы строил какие-то далеко идущие планы в своих отношениях с принцессой, нет. Но всё же... Непонятно поспешная свадьба крепко уязвила и расстроила его. И Семён с того расстройства пустился в отчаянный загул.

За те две недели, что прошли после коронации Яны, Семён побывал во многих Мирах, нигде надолго не задерживаясь. Рестораны, бордели, попойки со случайными знакомыми... Драки. В общем, серьёзный душевный отдых по полной программе – никогда раньше Семён не позволял себе такого безобразия! Никогда. А нынче – позволил.

К счастью, Мар оказался на высоте и вовремя вытаскивал Семёна из опасных ситуаций: или прикрывал его защитой, или попросту переносил в другой Мир. Действовал по своему усмотрению – Семён в самом начале загула дал ему разрешение на самостоятельность.

А в том, другом Мире, всё начиналось по-новому...

В конце концов Семёну надоело «гулять»: и пьяные развлечения со временем приедаются! Захотелось пожить в тихом, спокойном месте – привести мысли и чувства в порядок. Подумать, как быть дальше. Вот тут-то Семёну и попался на глаза рекламный плакат с замком-пансионатом. Очень своевременно попался!

– Ладно, – Семён отвернулся от окна. – Хватит пейзажами любоваться! Ещё успею. Осмотрю-ка я лучше номер, что это за люкс здесь такой... Где всякая пьянь тебе на голову бычки кидает. – Семён, пофыркивая от возмущения, пошёл на обход своих временных владений.

Люкс был неплох: во всяком случае, он вполне соответствовал уплаченной за него сумме. Просторная меблированная гостиная, столовая, спальня; ванная комната с небольшим пустым бассейном, стерильно чистый туалет. И, что особо порадовало Семёна, рабочая комната со столом, креслом и с вседисковой линией связи. Это было удачно! Семён за две недели своего беспробудного веселья напрочь отстал от жизни Империи, в которой ежедневно что-нибудь да происходило. И, как правило, глобальное.

А ещё в линии связи могли быть сообщения ему, лично. Например, от Кардинала, по совместительству – верховного жреца слимперов. У которого Семён числился вольным помощником.

– Слушай, Мар, организуй чего пожевать, – Семён с удовольствием развалился в мягком кресле. – С оплаченным ужином в номере я пролетел, поздно прибыл... В ресторан

идти не хочу, осточертели мне те рестораны, – Семён зевнул, почесал в затылке и с неприязнью обнаружил на руке остатки сигаретного пепла. – Лучше я по-походному, без затей... Давай посмотрим, что есть в линии для меня! Да и имперские новости тоже неплохо было бы узнать. Совсем я от общественной жизни оторвался! А после искупаюсь и спать. А, может, и не спать, там посмотрим, – Семён вытер руку о шорты.

– Пожевать, гм, – медальон призадумался. – Что же у меня осталось-то из съедобного, ума не приложу... Поистратили мы, Семён, пищевые заклинания, да-с. Крепко поистратили! Почти совсем ничего не осталось, одни заваливающие хлебобулочные изделия и минералка без газа... Надо бы тебе при случае меня подзарядить, ты уж не забудь, – Мар виновато умолк: на столе появилась бумажная тарелочка с чёрствым пирожком. И стакан с водой. И всё.

– Это когда же я успел-то? – озабочился Семён, беря стакан. – Не помню, честное слово.

– Было дело, – охотно поделился воспоминаниями медальон, – когда ты всему борделю в Персиковом Мире выпивку с закуской поставил. Ещё девки тортами друг в дружку бросали. Вспомнил?

Семён, краснея, неопределённо похмыкал.

– Значит, вспомнил, – вздохнул Мар. – Экий непредвиденный расход продуктовой магии получился, нда... Но, должен сказать, было очень весело! – оживился медальон. – Особенно когда ты включил огнетушительное и морозильное заклинание одновременно, и устроил в холле массовое фигурное катание по ледяной пене... а тут на шум примчалась бордель-маман, очень крупная женщина, поскользнулась и врезалась в рояль. А тот взял и развалился! Я прям обхохотался.

– Мгм-м, – Семён чуть водой не подавился, выплюнул её на пол и с ужасом спросил:

– Это всё взаправду было?! И торты, и катание, и рояль в щепки?

– Ну, приврал немного, увлёкся, – сознался медальон. – Не в рояль она врезалась, а в пианино... Если бы в рояль, то было бы гораздо смешнее, – Мар рассмеялся.

– Чёрт, – Семён со злостью уставился на стакан, словно именно он был виноват во всём случившемся. – Всё! Хватит!

– Чего хватит? – поинтересовался Мар. – Вспоминать-рассказывать?

– Рассказывать тоже хватит, – Семён поставил стакан на стол и схватился за голову. – Стыд-то какой! Нет, больше никаких загулов! Никакого пьянства и фигурных борделей! Только здоровый образ жизни! Ну, если иногда, чуть-чуть... Для поднятия тонуса и снятия напряжения.

– В общем-то ты прав, – подтвердил медальон. – Пьянство до добра никого не доводит... Хотя когда как! Помню, был у меня занятный случай: один мой давнишний хозяин занимался контрабандными поставками спиртного в разные Миры. Как-то прикупил он по дешёвке громадную партию поддельного креплёного вина и выгодно перепродал его в Шерстяной Мир – тамошние жители, Семён, специализируются на разведении пушного зверья: шубы, шапки и дублёнки, сделанные в Шерстяном Мире, во многих Мирах спросом пользуются! Но я не о том: эти ребята-звероводы в своё время славились как большие специалисты по винно-водочному делу. В смысле не производства, а потребления, хе-хе... Им, видишь ли, главное было – чтоб недорого и сразу с ног валило, наповал. Потому-то дешёвое вино в самый раз пришлось!

– Ну и что? – Семён взял с тарелки пирожок, с огорчением осмотрел хлебобулочное изделие со всех сторон и со страдальческим видом принялся его грызть.

– А вот то! – посмеиваясь, сказал Мар. – Наше палёное вино тамошние правительственные чиновники аккуратно к местному всеобщему празднику закупили, уж не помню, как он назывался – для обязательного народного увеселения. Бесплатного, от ханских щедрот! Традиция у них тогда была – как праздник, так непременно халявное угощение, еда и выпивка до отвала... почти все крупные начальники-звероводы в столичный град на тот праздник соби-

рались, с друзьями и приближёнными. И начиналась недельная пьянка, такая пьянка, что домой после неё не все живыми возвращались! Ну и по стойбищам тоже праздновали, туда вино в бочках поставляли, по ханскому указу... Чтобы звероводы своего хана ещё больше любили и почитали.

– И в чём же проблема? – заинтересованно спросил Семён, с трудом дожёвывая каменный пирожок. – Вроде бы все должны были остаться довольны: твой хозяин – от выгодной сделки; чиновники тоже не в накладе остались: они-то наверняка закупили вашу бормотуху как марочное вино, а разницу себе в карман положили! Ну и народ, само собой – от бесплатного угощения. В чём же загвоздка вышла?

– В магии названия, – вздохнув, ответил Мар. – В том Мире, где произвели вино, его тамошнее официальное название, магически зарегистрированное во всех накладных, было «Солнце-Дадар». А в Шерстяном Мире оно, это двойное слово, соответствовало названиям двух местных растений... особых растений, лечебных. Одно – от запора, другое – от пьянства. Зная это, мой хозяин на всякий случай утаил от покупателей-чиновников истинное название вина. А то запросто отказались бы! Но, вот, купили-таки...

– Неужели они после этого все – того? – недоверчиво спросил Семён. – Все-все?

– Ага, – кротко согласился медальон. – И хан тоже. И его придворные. И начальники-звероводы, и все-все остальные! Лишь день попили всласть, попраздновали, а после целый месяц животами маялись. Представляешь – весь Шерстяной Мир, поголовно! Мало того, они и пить сразу бросили! Вообще. Какой удар для экономики... Для нашей, контрабандистской экономики, – пояснил Мар. – Нынче там сухой закон. И очень, очень тучные пастбища. На совесть удобренные... И ещё в Шерстяном Мире теперь находится самая знаменитая больница для алкоголиков – туда со всех Миров лечиться от пьянства прибывают. Говорят, стопроцентное излечение, даже в самых тяжёлых случаях – вина того у них в запасе ещё ой-ой сколько осталось! На всех желающих хватит... И продаётся оно как лекарство, за бешеные деньги, но действует только в Шерстяном Мире и нигде больше. На месте, так сказать.

– Ну вот, нет худа без добра, – мудро заметил Семён. – Целый Мир трезвенников! Поверить невозможно.

– Кому добро, а кому и нет, – хмыкнул Мар. – Мой хозяин не в курсе был, что там произошло, сунулся туда через пару лет ещё одну партию самопального вина продать, оптом и недорого, его ханские стражники и замели. Сначала хан решил показательно убить контрабандиста-отравителя, с трансляцией по всему Шерстяному Миру... э-э... то ли затоптать табуном диких кобылиц, то ли живот распороть и кишками удушить, то ли в масле сварить – разные варианты были! Но потом передумал и, с благословения Верховного шамана, возвел моего хозяина в ранг святого. При жизни. За безмерное оздоровление нации и повсеместный расцвет благосостояния. Ну, хозяин, понятное дело, от нестерпимых душевных переживаний с катушек напрочь слетел, уверовал в свою окончательную избранность и, подарив меня одному своему знакомому вору, основал в Шерстяном Мире крупный монастырь, который и возглавил.

Фастин-чудотворец, может, слышал? От бесплодия прихожанок лечил, с глазу на глаз. Они потом непременно беременели...

– Нет, – Семён призадумался с самым серьёзным видом. – Ежели бы слышал, то запомнил бы. А как он их лечил? Возложением дланей на чело тех прихожанок, или возложением их на кровать? Прихожанок, разумеется. Не дланей.

– Думаю, по второму варианту, – глубокомысленно изрёк медальон. – Эдак оно вернее, – они оба расхохотались, и Мар, и Семён.

– Ты давай, проверяй, чего там интересного в линии связи есть, – Семён с сожалением глянул на пустую тарелочку, – да придётся мне, похоже, в ресторан идти. Чёрствый пирожок не самая сытная на свете еда! И минералка без газа, брр!

– Момент, – Мар на секунду умолк и тут же радостно сообщил:

– Семён, тебе вызов! Висит уже дней пять как... О! И не простой вызов! Срочный, помечен как сверхважный. Кто же это у нас будет? Ну-ка, проверю адресата. – Мар умолк.

– От Кардинала, что ли? – Семён встал из кресла, потянулся. – Опять, небось, в какой Мир меня погонит, самого себя искать, – Семён усмехнулся. – А что поделывать? Раз подписался быть его помощником, куда теперь деваться! Мар! Эй, ты чего молчишь-то?

– Это, Семён, не Кардинал, – растерянно ответил медальон. – Это сам Мастер Четырёх Углов! – Мар произнёс последние слова с такой интонацией, что стало понятно – они все пишутся с прописной буквы. То есть с заглавной.

– А что нужно тому четырёхугольному мастеру? – Семён бесцельно заглянул в единственный ящик стола, обнаружил там пустой пакетик из-под презерватива и подумал, что здесь не только связью с иными Мирами занимались, но и другими связями тоже. Прямо на столе.

– И кто он, тот мастер? – Семён задвинул ящик.

– Ты не знаешь, кто такой Мастер Четырёх Углов? – опешил медальон. – Надо же! Хотя понятно – ты же не состоишь в Гильдии Воров. С тобой, Семён, хочет пообщаться сам Глава Вседисковой воровской Гильдии! Уже пять дней как хочет. Причём очень срочно.

– Если он пять дней срочно ждал, то часок ещё уж точно подождёт, – рассудительно сказал Семён. – Пойду-ка я всё же в ресторан, от твоего пирожка у меня никаких впечатлений, лишь изжога началась. Жрать хочется невозможно, – Семён направился к выходу из комнаты. – Потом, всё потом: и Глава Гильдии, и остальные имперские новости. На сытый желудок. – И вышел из комнаты.

Ресторан находился на первом этаже. Уютный, небольшой ресторанчик, с камерным оркестриком на эстраде, с приглашенным верхним освещением и с задрапированными гобеленами стенами. На гобеленах везде было изображено одно и то же: рыцари и драконы. И обязательно – молодые девы со скорбно заломленными руками. Принцессы, наверное.

На одних гобеленах драконы харчили доблестных рыцарей прямо с латами, на других – рыцари энергично колбасили поверженных драконов мечами; и в том, и в другом случае присутствующие на пейзаже юные принцессы выглядели одинаково расстроенными.

Семён заказал себе жаркое из телятины и кувшин пива. После чего, поминая про себя нехорошими словами дежурный пирожок, приступил к ужину.

Семён как раз допивал пиво, когда почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Хотя, как говорят скептики, взгляд есть вещь нематериальная и нечувствительная, никоим образом не осязаемая, однако вор с прикрытием его всё же ощутил; отставив кружку, Семён неспешно принялся вытирать салфеткой рот, с показным безразличием поглядывая по сторонам. Семён занимал столик в затемнённом углу, откуда обозревался весь зал – у Семёна уже появилась профессиональная привычка не маячить у народа на виду, но при этом видеть всех самому. Держать ситуацию под контролем.

В противоположном углу зала ресторана, столиков через шесть, сидела девушка и ела пирожное, запивая его чаем – на столе был виден заварной чайничек; ела настолько сосредоточенно, уставясь в свою чашку и не поднимая глаз, что у Семёна не возникло никаких сомнений – на него смотрела именно она. Потому как больше разглядывать Семёна было некому: за другими столиками шла обычная пьянка, кое-где разудалая, с тостами, кое-где тихая, почти интимная – но так или иначе, а для выпивающего люда Семён не существовал.

Видно девушку было плохо, её угол тоже освещался неважно: Семён лишь смог разглядеть, что у неё длинные чёрные волосы и тонкие музыкальные пальцы. И что на груди у

неё ажурный золотой кулон с небольшим бриллиантом посреди – драгоценный камушек то и дело посверкивал острыми лучиками; Семён отвлёл взгляд в сторону, подозвал к себе официанта и, расплатившись, направился к себе в номер. Лифта в пансионате не было, откуда в замках лифты – подниматься по лестнице после сытного ужина показалось для Семёна несколько тяжеловатым.

– Между прочим, – доверительно сказал Мар, когда Семён поднялся на свой этаж, – тебя, оказывается, пасут! Видал девицу с золотой побрякушкой на цепочке? Вот она за тобой и приглядывает. Чтоб меня в трубочку свернуло, ежели это не так! Уж я-то знаю, когда смотрят с необязательным любопытством, а когда конкретно следят... Интересно, кто она, та надзирательная девица, на кого работает? Вряд ли на Имперскую службу безопасности, слишком она красивая для обычной наружной слежки... Такие, как правило, у службы безопасности в амурных делах используются – для выкачивания ценной информации. Или для шантажа с тем же дальнейшим выкачиванием...

– Она действительно красивая? – задумчиво спросил Семён, подходя к двери своего номера. – Я не разглядел. Темно было!

– Вполне на уровне, – заверил Семёна медальон. – У меня зрение сам знаешь какое! О-го-го какое!

– Ну и как она выглядит? – поинтересовался Семён, заходя в номер и запирая дверь. – Как?

– Отлично выглядит, – бодро доложил Мар. – Кулон-плетёнка выполнен из золотой проволоки девятьсот девяносто шестой пробы; камушек на полтора карата, огранка стандартная, бриллиантовая, семьдесят две грани... Вроде всё.

– Я же тебя про девушку спрашивал, а не про её украшения, – с укоризной произнёс Семён. – Ты мне о ней скажи!

– Ну-у, – неуверенно протянул Мар, – девушка как девушка. Красивая. С глазами и ресницами. Что ещё можно сказать, даже не знаю...

– Исчерпывающий ответ, – усмехнулся Семён. – Ладно, если она приставлена за мной следить, то мы ещё встретимся! Тогда и посмотрю, какая она из себя, с глазами и ресницами. – Семён направился напрямик в рабочую комнату.

Устроившись в кресле, Семён махнул рукой:

– Давай, Мар, письмо от четырёхугольного! Или что там – вызов, да? Можешь вызывать. Дозволяю.

– Сейчас, – медальон затих, включаясь в линию связи; Семён потёр глаза – работающая магическая линия выглядела для него как рой мух, заполняющий всю комнату; удовольствия это зрелище ничуть не доставляло.

– Для соединения надо ввести пароль, которым является ответ на вопрос, – деловито сказал Мар. – А вопрос следующий: «Назовите имя-фамилию человека, с которым вы имели дело в Мастерском Мире». Когда назовёшь, тогда сразу пойдёт соединение – учти, говорить надо громко и чётко! А то знаю я эти линии: сам не переверёшь, так они помогут.

– В Мастерском Мире? – призадумался Семён. – Имел дело? А-а, Норти Бук, хозяин ломбарда!

– Погромче, – попросил медальон, – и без добавлений. Только имя и фамилию, про ломбарды не надо.

– Норти Бук! – рявкнул Семён.

– Есть контакт, – обрадовался Мар, – пароль принят, вызов пошёл. Вот-вот картинка со звуком будет! Кстати, для картинки объём нужен, а тут стол мешает, – Семён послушно развернулся вместе с креслом спиной к столу.

Секунд десять ничего не происходило, потом раздался приглушенный звук фанфар и посреди комнаты возник человек, сидящий, как и Семён, в кресле. Вернее, изображение

человека и кресла – картинка была полупрозрачной, иногда покрывалась рябью помех, но, в общем, выглядела достаточно приемлемо.

Мастер Четырёх Углов был стар, сух и немощен, а его кресло напоминало медицинско-инвалидное, с колёсиками на ножках и крепежом для капельницы в изголовье. Одет Мастер был в потрёпанный домашний халат и легкомысленную курортную панамку – Семён едва не рассмеялся, увидев её, но вовремя удержался: глаза у Мастера были злые и холодные. Рассмеяться в лицо такому собеседнику означало немедленно нажать себе смертельного врага. А Семён уже давно пришёл к выводу, что серьёзных врагов лучше выбирать сознательно, чем заводить их случайно. Тем более – таких.

– Симеон? – прокаркало изображение. – Ты – Искусник Симеон?

– Я, – не стал отпираться Семён. – А вы – Мастер Четырёх Углов?

Изображение не ответило: Мастер внимательно оглядел Семёна, пренебрежительно выпятив нижнюю губу и щурясь, словно на лампочку смотрел; дышал Мастер часто и хрипло, видимо, у него была астма.

– Молодой ещё, – наконец сказал Мастер, – бестолковый. Зря я тебе вызов послал, не потянешь ты дело. Завалишь.

– Уважаемый Мастер, – начал было Семён, несколько задетый высказыванием собеседника, – я...

– Молчать! – Старик нахмурился и предупредительно поднял руку. – Говорить потом будешь, когда разрешу. – Семён послушно умолк.

– Слушай внимательно, Симеон, – Мастер достал из кармана халата склянку-ингалятор с лекарством, попрыскал себе в рот («Всё же у него астма,» – подумал Семён), закашлялся и спрятал ту склянку в карман:

– В одном Мире, не важно в каком, есть нефритовый кадуцей... Ты хоть знаешь, что такое – кадуцей? – Мастер косо глянул на Семёна и, не дожидаясь ответа, пояснил:

– Кадуцей – это жезл, эмблема вестников и парламентариев; жезл, если ты не в курсе, есть палка, похожая на дубинку. А нефрит – зелёный камень, крепкий. Понятно?

Семён кивнул, про себя удивляясь – неужели Мастер Четырёх Углов считает его законченным дураком? Который о жезлах ничего не знает.

– Раньше этот кадуцей принадлежал... э-э, тебе-то какая разница, кому он принадлежал! Сейчас жезл хранится в частной коллекции одного богача, под надёжной охраной, – Мастер пожевал губами, глядя мимо Семёна. – Под очень надёжной охраной! Магической. Украсть практически невозможно, мои люди уже пробовали недавно. Не получилось. – Старик потёр лоб, отчего панамка съехала на затылок, придав ему совершенно комический вид. Но смешно Семёну не было.

– Кадуцей лежит в оригинальной упаковке, выполненной в виде гроба: завтра тот гроб увозят в другое место, – раздражённо сказал Мастер. – Остальную коллекцию уже перевезли, из-за наших неудачных попыток. Новый адрес содержится в строжайшей тайне... Короче: нефритовый жезл надо выкрасть. Сегодня же! Я послал тебе вызов пять дней тому назад, ведь был же запас времени! А теперь запаса нету... Ты почему сразу не ответил? – Мастер Четырёх Углов уставился на Семёна пустым взглядом. – Говори. Разрешаю.

– Работал я, – коротко ответил Семён: докладывать о своём загуле старику с ледяными глазами он не собирался.

– Ну да, ну да, – Мастер неожиданно мелко захихикал, – именно что работал, – Семёну его реакция не понравилась.

– Поясняю сразу, чтобы не было дурацких вопросов, – успокоившись, продолжил Мастер, – никакой магической ценности кадуцей не представляет. Повторяю, никакой! Это – раритет, коллекционная вещь... Ты знаешь, что такое раритет? А и не знаешь, чёрт с тобой, объяснять не буду, – старик снова захихикал, но тут же стал серьёзным. – Он нужен мне в

коллекцию. Лично мне! – Мастер сделал ударение на последнем слове. – Украдёшь – получишь тысячу золотых, я не жадный! За хорошую вещь и плачу хорошо, – старик улыбнулся Семёну: улыбка у Мастера получилась неживой. Как у гипсовой статуи. – Ну а ежели украдёшь и дашь дёру с кадуцеем – найду и накажу. Очень сильно. – Мастер снова включил и выключил гипсовую улыбку.

– Я хотел бы уточнить, – медленно, взвешивая каждое слово, произнёс Семён, – выкрасть жезл – это заказ или приказ? Имею ли я право не выполнять эту работу?

– Естественно, заказ, – Мастер потёр сухие ладошки, словно у него замёрзли руки. – Частный. Мне не нужна подневольная служба! И отказаться ты тоже имеешь право, дело серьёзное, опасное... Похоже, я только зря время на тебя трачу, – внезапно с досадой сказал Мастер Четырёх Углов. – Раз пошёл такой разговор – отказаться, не отказаться, толку не будет... Нет, не потянешь ты это дело, – старик презрительно скривил губы. – Кишка тонка. Не дорос ты, Симеон, ещё до настоящего вора... Искусник, ха! Кто тебе эту кличку придумал, непонятно. – Мастер, покашливая, достал из кармана ингалятор и прыснул лекарством себе в рот. – Мальчишка ты, а не вор-умелец. Ученик.

– Погодите, – Семён начал заводиться: его явно оскорбляли! В него не верили. – Я вам своего ответа ещё не дал!

– Ну так давай, отвечай, – Мастер неожиданно подмигнул Семёну. – Оправдай своё звание, Искусник Симеон! Потешь старика, много ли радости у меня в той жизни осталось, – Мастер Четырёх Углов вытер ладонью под глазами, точно слезы смахнул, но щеки при этом у него оставались сухими.

– Берусь, – решил Семён. – Но ничего не гарантирую! Вы же сами сказали, что там надёжная магическая охрана. Если я с ней не справлюсь, то...

– Справишься, – прервал Семёна Мастер, – чтобы такой бравый парень как ты, да не справился с какой-то дурацкой защитой! Тем более *удачливый* парень, – старик отвлёкся, натянул панамку себе чуть ли не на уши. – Холодно у меня здесь... Я, Симеон, о тебе много чего знаю, полнится Империя слухами! В общем, слово тобой сказано, а я буду ждать результата. Меня не ищи, я с тобой завтра сам свяжусь, – Мастер резко наклонился вперёд (Семёну почудилось, что дед сию секунду вывалится из своего кресла) и ткнул пальцем в сторону Семёна, прямоком ему в грудь. – Адресок зала, где хранится кадуцей, я уже скинул в твой медальон... Хороший у тебя медальон, Симеон! Уникальный. – Мастер завистливо поцокал языком. – Когда-нибудь, надеюсь, он станет украшением моей коллекции. Ну бывай, Искусник! – прощально твякнули фанфары, изображение замерцало и исчезло: Семён остался в комнате один.

– Что-то не нравится мне эта затея, – мрачно сказал Мар. – Ты обратил внимание, как он тебя на «слабо» взял? И намёки насчёт меня... Всё это, Семён, дурно пахнет. Воняет, ежели точнее. Подвох, явный подвох! Но в чём?

– Подвох там, или не подвох, – Семён встал из кресла, – но, как выразился четырёхугольный дед: «Слово сказано». Стало быть, надо мне сейчас двигать в тот Мир, где хранится кадуцей и делать дело. А там, на месте, разберусь, что к чему! Если украду, то тысяча золотых мне никак не помешает... да хрен с ним, с тем золотом, не бедствую я, – мне просто неприятно, что этот главный воровской сморчок меня дураком и недотёпой считает!

– Да уж, – Мар тяжело вздохнул. – Я и говорю, на «слабо» тебя дедуля зацепил. А ты и пошёл у него на поводу: нет, чтобы сначала подумать, со мной посоветоваться, а уж после давать ответ! Если эту фигню лучшие специалисты Империи украсть не смогли, то, подозреваю, задание невыполнимо принципиально.

И вообще, зачем Главе воровской Гильдии нефритовая безделица? Для коллекции? Не верю! Платить тысячу золотых за ненужную вещь по меньшей мере глупо. Мыслию я, что кадуцей не настолько уж и прост...

– Ты коллекционеров не встречал, – Семён вышел из рабочей комнаты, – они все с одинаковым мозговым вывихом. Ежели такой вывихнутый чего решил в свою коллекцию заполучить, то ни за какими расходами не постоит! Последние штаны продаст, но купит.

– То-то Мастер в халате сидел, – недовольно проворчал медальон, – штаны у него явно закончились... Всё же, Семён, есть у меня подозрение, что от тебя хотят избавиться! Ты в Гильдии не состоишь, работаешь сам по себе, хлеб у остальных воров отбиваешь. И в общак взносы не делаешь, какой Гильдии от тебя прок? Опять же твои похождения на виду, можно сказать, ты – имперская знаменитость! Почему бы и не сунуть палку в твои колёса? Нефритовую. – Мар безрадостно хохотнул над собственной шуткой. – Устроить полиментовскую засаду по анонимному сообщению о готовящемся ограблении... или наёмного убийцу в тёмном уголочке заначить... или ловушку-самострел наладить... или...

– Мар, у тебя, похоже, начинается паранойя, – Семён остановился у стрельчатого окна и, пользуясь им как зеркалом, превратил свой пляжный наряд в чёрное трико и мягкие туфли; за окном всё также фосфорно сиял океан, но зелёной луны видно не было: наверное, ушла на другую сторону замка-пансионата. – Сам себя пугаешь и меня заодно! Тут к работе подготовиться надо, настроиться, а не жуткими пророчествами заниматься... А ты на что? Вот и следи, чтобы всяких неприятностей с нами не случилось, ловушечно-полиментовских!

– Паранойя? – медальон призадумался. – О, знаю такое слово! Правильное слово, умное. Это, Семён, у обывателей та паранойя болезнью считается, а в нашем деле без неё никак нельзя. Больше опасаться – дольше живёшь!

– Жаль, новости не узнали, – не слушая умных рассуждений медальона, сказал Семён. – Заморочил мне голову дед-угловик! Когда вернёмся, первым делом именно новостями займусь. Украду жезл и займусь... Мар, а где находится зал с кадуцеем? В каком Мире?

– Секундочку, – медальон тихо забубнил что-то невнятное. Видимо, по имперскому списку истинных Миров адрес проверял.

– Вот, нашёл, – Мар замялся. – Э-э... странное название. Окраинный Мир, это где ж он находится? Никогда там не был. Захолустье небось какое-то, на самом краю Вселенского Диска...

– Какая разница, – Семён отвернулся от окна. – Не пешком же! Запускай адрес, сейчас посмотрим, насколько он Окраинный, тот Мир.

– Угу, – ответил Мар и включил транспортное заклинание.

Глава 2

Сокровище Ловкача, Исключающее Милость и Пощаду

Просторный холодный зал, в котором очутился Семён, вовсе не был похож на музейное помещение, где хранятся разные древние ценности. И на антикварную лавку – со стеллажами и выставленным на них дорогостоящим антиквариатом – никак не походил. Зал, скорее, напоминал складское помещение после панической эвакуации: по мраморному полу были разбросаны обрывки упаковочной бумаги, какие-то разбитые ящики, тряпки, грязные верёвки-бечёвки, гнутые гвозди и прочий мусор. Создавалось впечатление, что здесь совсем недавно то ли что-то спешно распаковывали, то ли не менее спешно запаковывали.

По стенам, тут и там, висели длинные полотнища, схожие с воинскими штандартами, разрисованные непонятными эмблемами и надписями – некоторые из полотнищ были безжалостно оборваны до половины. Словно их пытались второпях содрать со стен, а времени проделать это аккуратно не было; между полотнищами виднелась голая каменная кладка: Семён поднял голову – арочный потолок зала тоже был каменным.

На стенах, кроме драных штандартов, ещё имелось множество металлических чаш-светильников, в которых негромко шипело жёлтое газовое пламя: в зале было хоть и сумрачно, но разобрать, где что находится, Семён мог. Во всяком случае освещения хватало, чтобы не налететь в потёмках на какой-нибудь ящик или не пропороть ногу гвоздём.

Посреди зала, на чёрном возвышении, стоял хрустальный гроб. Нацеленный на необычную домовину луч единственного потолочного светильника был узконаправленным и ничего более не освещал; гроб сиял как витрина ночного супермаркета.

– Мар, – тихонько позвал Семён, – ты никакой засады не видишь?

– Вроде всё в порядке, – неуверенно ответил медальон. – Никого и ничего... Кроме смертного сундука, разумеется: там кто-то лежит. Дохлый кто-то... И магией оттуда тянет, от той стекляшки! Сильной магией... Ты уж будь поосторожнее, плохое это место. М-м, давай я на всякий случай невидимость включу?

– Давай, – Семён осторожно, на цыпочках, направился к хрустальному гробу.

Колпак невидимости, накрывший Семёна от макушки до пола, несколько искажал перспективу и слегка затемнял без того слабое освещение, потому Семён один раз чуть не налетел на битый ящик, но в последний момент всё же смог увернуться; смертный сундук, как его обозвал Мар, был окружён невероятным количеством хлама. Словно кто-то решил забаррикадировать гроб всяческим мусором от нежелательных посетителей.

– Наверное, экспонаты вывозили, – прошептал Семён, обходя очередной завал, – в срочном порядке. Как дед-угловик и предупреждал. А гроб на завтра оставили... Почему?

– Хрен его знает, – отозвался медальон. – Может, он неподъёмный какой? Или с ним особое обращение нужно... Э, какое нам дело до этого: берём палку и сразу же сваливаем, нечего нам задерживаться! Больно уж гнусное заведение, – Мар цыкнул, словно сквозь зубы сплюнул. – Не располагает к душевному комфорту.

– Эт-точно, – согласился с медальоном Семён. – Никакой радости, сплошная тоска и разрушение... Вешаться здесь славно. Включить «Реквием» Моцарта, послушать минут пять и повеситься на ближайшей чашке с огнём, в знак согласия с композитором. Типа положительной критики.

– Тут мертвяков и без самодеятельных критиков хватает, – уныло сказал Мар. – Вон, лежит красавчик... И кадуцей в руках держит. – Семён остановился возле гроба.

Возвышение оказалось узким дубовым столом, покрытым длинной чёрной скатертью; в хрустальном ларе, сложив руки на груди, лежал хорошо сохранившийся мужик бандитской внешности, с бритым черепом и густой бородой-лопатой, в серой долгополой сутане. В руках у мужика был зажат зелёный жезл, по виду вылитая милицейская палочка-выручалочка – вроде той, которой оснащены все гаишники. Казалось, что мужик вот-вот откроет глаза, откинет прозрачную крышку гроба и, обличительно грозя Семёну той палкой, потребует у него для начала водительские права, а после и какой другой документ, разрешающий всяким посторонним находиться в разорённом зале.

– Ну-с, и где та надёжная магическая охрана? – Семён медленно пошёл вокруг стола, приглядываясь и к гробу, и к самому столу: пока что никакой защитной магии не наблюдалось. Вообще.

– Знаешь, Мар, – озадаченно сказал Семён, завершив осмотр и вернувшись на прежнее место, – а ведь нету никакой колдовской защиты! Очень это меня настораживает...

– Ловушка! – категорично заявил медальон. – А дохляк в гробу – наёмный зомби-убийца. Ты крышку приоткроешь, а он тебя хрясть по лбу своей кадуцейной и все мозги на пол. Что я, с зомбями не сталкивался, что ли? Вон, вроде давно мёртвый, а всё ещё свежий как огурчик. Лежит и, небось, коварные планы насчёт всяких черепно-мозговых травм строит... У, подлюка! Станса Ксанса на тебя с топором нету, начальника из зомби-филиала. – Мар крепко выругался.

– погоди лаяться, – Семён взялся за крышку гроба. – Может, на самом деле он совсем мёртвый и неопасный! Проверить сначала надо, – Семён осторожно приподнял тяжёлую крышку, подождал немного – никакого шевеления в гробу не случилось – и, поднатужившись, поднял хрустальный верх. Крышка повернулась на хрустальных же петлях и остановилась в вертикальном положении; Семён на всякий случай резво подался от гроба в сторону.

Постояв с минуту на месте и убедившись, что ничего опасного не произошло – не завывала сигнализация, не появились разъярённые сторожа или наряд полиментов из ведомственной охраны, да и сам подозрительный покойник так и продолжал лежать по команде: «Смирно! Всем умереть!» – Семён подошёл к открытому гробу и остановился в нерешительности.

– Чего тянешь, – забеспокоился Мар. – Думать о смысле жизни после будешь, на досуге, под пиво и воблу. Хватай палку и ходу отсюда, ходу!

– погоди ты суесться, – огрызнулся Семён, не отрывая глаз от жезла-кадуцея. – Тут такая, понимаешь, загогулина выходит...

– Где?! – всполошился медальон, – где выходит? Из носа? Из рта лезет? Ничего не вижу! Ты уверен, что загогулина тебе не почудилась?

– Заткнись, – повысив голос приказал Семён: Мар немедленно заткнулся.

– Кадуцей, он абсолютно чёрный, – продолжил Семён. – На магическом плане. Такую черноту я видел только в Мире-Полигоне, когда мы от столба инферно спасались. Чёрный точь-в-точь как тот столб! Мне даже прикасаться к жезлу не хочется...

– Да? – расстроился медальон. – А что же тогда делать?

– Вот, стою и думаю, – пояснил Семён. – Прикидываю варианты. Скажи, Мар, а есть ли у тебя заклина...

Позади, в мусорной свалке, зашуршало; Семён обернулся – по мусору кто-то шёл. Кто-то, невидимый для обычного человека, не обладающего магическим зрением. Осторожно шёл, крадучись: если бы не жёсткая обёрточная бумага, попавшая под ногу невидимке, Семён не скоро бы заметил, что в зале он не один.

– Конкурент припёрся, – догадался Мар. – Ишь, крадётся... Ну, Семён, дождались мы подмоги! Сейчас всё и решится. Ты, главное, не мешай – пусть берёт кадуцей, пусть! Ежели его зомб не убьёт, и жезл ничего плохого с ним не сделает, тогда поступаешь так: бьёшь

его сначала в подбородок, потом в солнечное сплетение, а после коленом в пах – нервная и осмысленная деятельность на время блокируется, мы берём кадуцей и гордо уходим за тысячью золотых... Надеюсь, ты видишь конкурента?

– Вижу, – еле слышно ответил Семён.

По залу, в направлении к хрустальному гробу, двигалось бирюзовое облачко, окутывающее тёмный человеческий силуэт – нерезкий, расплывчатый. Но, невзирая на расплывчатость, было видно, что человек ростом с Семёна, худощав и достаточно ловок: ящики и прочий хлам он огибал легко и грациозно, словно танцуя.

Семён отступил в сторону – незнакомец подошёл к гробу и остановился. Судя по тому, что невидимка стоял, оглядываясь по сторонам и не предпринимал никаких действий, таинственный конкурент был в растерянности – наверное, его смутила поднятая на гробе крышка. Семён осторожно пододвинулся ближе: он вовсе не собирался дать человеку бес толково погибнуть, пусть и конкуренту, – а то, что жезл смертельно опасен, в этом Семён ни капли не сомневался, нельзя такую *чёрную* штуковину голыми руками брать, – и чуть не закашлялся от неожиданности: от незнакомца пахло духами. Хорошими женскими духами, чем-то вроде знаменитой «Шанель», но несколько иначе. Хотя и не менее приятно.

– Он, гад, ещё и бабским одеколоном мажется! – изумился медальон. – Тем более в ухо ему, в ухо! То есть в челюсть. Но когда жезл возьмёт, не раньше. – Мар, посчитав инструктаж законченным, притих в ожидании.

Незнакомец склонился над гробом и протянул к жезлу руки.

– Стой, дурак! – Семён крепко схватил невидимку за плечо. – Не трогай, убьёт! – Человек вздрогнул, отпрянул от гроба и... И упал. Семён еле успел подхватить обмякшее тело.

– Что там? – забеспокоился Мар. – Чего он? С испугу помер? Вот беда... Ты, Семён, поспешил однако. Вот учишь тебя, учишь, как надо грамотно поступать, а ты всё одно по-своему! Как мы теперь кадуцей сопрём? – закручинился медальон. Семён не ответил: положив незнакомца на пол, он осторожно похлопал того по щекам, пытаясь привести в чувства; под руку попались длинные волосы. Крякнув от изумления, Семён легонько провёл рукой по груди отключившегося с испугу конкурента – это была девушка. Без всяких сомнений.

Пальцы Семёна наткнулись на металлическую бляшку, лежавшую на груди девушки; круглая железка была прикреплена к цепочке. Едва Семён прикоснулся к металлическому кругляшу, как бирюзовое облачко заморгало: Семён сжал бляшку в кулаке и облачко, делавшее нежданную посетительницу невидимой, исчезло. Семён разжал пальцы – бирюзовое сияние больше не появилось – и, отпустив кругляш, выпрямился.

– Ба! – радостно завопил Мар. – Узнаю! Узнаю кулон-плетёнку и камушек на полтора карата! Вон, и глаза с ресницами тоже на месте... Семён, да это же та самая девица из ресторана! Конкурентиха, чтоб я поржавел! Ха, мне всё ясно – никакая она не надзирательница, и это хорошо, а то я уж подумал... Да фиг с ним, чего я там сам себе понапридумывал, главное – она из наших, из своих! Фу, гора с плеч... Глянь-ка, глянь! Одета также, как и ты, в трико и мягкие туфли. Сговорились вы, что ли?... Ого! У неё на руках перчатки! Серебряные, надо же... То-то она так смело к нефритине потянулась.

– Выключи невидимость, – указал Семён, присаживаясь на корточки рядом с девушкой. – Хватит человека пугать. Эй, подруга, – Семён ещё раз похлопал девушку по щекам, но безрезультатно. – Мар, дай-ка твоей минеральной воды, она сейчас в самый раз будет, – рядом, на полу, возник стакан с заказанной водой: Семён набрал полный рот минералки и прыснул девушке в лицо.

Девушка открыла глаза, посмотрела на Семёна непонимающим взглядом, села и первым делом схватилась за кулон, проверяя, на месте ли он. А уж после вытерла лицо рукой в перчатке. И уставилась на Семёна.

Мар не соврал: девушка была хороша! Красива не броской фотомodelьной красотой, холодной и глянцевой, а... Семён не смог точно подобрать определение. Красивая и всё тут! Высокий лоб, удивлённо приподнятые брови; большие испуганные глаза, серо-голубые; чистая матовая кожа; слегка припухлые губы; чёрные тяжёлые волосы... Если бы Семён встретил такую девушку на Земле, он подумал бы, что в роду у неё были итальянцы. Или испанцы – короче, кто-то из южан.

Хотя таких глаз у испанцев-итальянцев, как правило, не бывает.

– Тебя как зовут? – миролюбиво спросил Семён девушку.

– Вы... вы меня видите? – с непонятным ужасом спросила девушка, зачем-то оглядываясь по сторонам; голос её, мягкий и тихий, слегка дрожал.

– Конечно вижу, – подтвердил Семён. – Почему бы и нет, раз твоя невидимость отключилась? Ну, так как тебя зовут?

– Теперь уже всё равно, – обречённо ответила девушка, – можно и сказать. Меня зовут Олия, – она легко встала на ноги, поднялся и Семён.

– Значит, ты тоже за кадуцеем? – спросил Семён, глядя на её руки. – Вижу, подготовилась толково! Перчатки, верно, специальные, защитные? Где взяла?

– У деда, – Олия, вспомнив о перчатках, сорвала их с рук и швырнула на пол. – В шкафу лежали. Их там много... Пошли скорей отсюда, пошли! Куда угодно, но скорей!

– А как же кадуцей? – не понял Семён. – И я, и ты шли за одним и тем же. Я должен его взять, у меня заказ, я...

– Это смерть, – глухо сказала девушка. – Окончательная, бесповоротная. Стоит дотронуться до жезла голыми руками и всё! Даже запасные жизни не помогут. – Олия твёрдо посмотрела Семёну в глаза. – Я не собиралась воровать дедушкин кадуцей! Я хотела его всего лишь перепрятать. Чтобы вы, Симеон, до него не добрались.

– Опаньки! – вскинулся Мар. – Таки нас опознали, Семён! Тьфу ты... Нет, слава нас погубит. Однозначно!

– А кто твой дед? Коллекционер-богач, которого недавно чуть не ограбили, да? – Семён поднял перчатки и протянул их Олии. – Возьми, чего разбрасываться нужными вещами, пригодятся когда-нибудь.

– Они одноразовые, – Олия поморщилась. – И жгут руки. Я их никогда больше не надену... А мой дед – Мастер Четырёх Углов, который вам заказ и оформил. Вы, между прочим, сейчас в подвале его... вернее, нашего замка находитесь. – Олия огляделась по сторонам с затравленным видом. – Умоляю, давайте скорее уберёмся отсюда! Здесь полным полно следящих глаз! Техномагия, дед у чужих много лет тому назад купил... Я хотела незаметно и по быстрому, а теперь... – девушка прижала ладони к лицу и вдруг горько заплакала.

– А... э... – только и сказал ошарашенный Семён, сжимая в руке одноразовые перчатки. – Нда-а...

– Включая транспортное заклинание, – торопливо предупредил Мар. – Разбираться друг с дружкой и переживать будете в другом месте, – в тот же миг Семён оказался в меблированной гостиной знакомого номера-люкса, откуда совсем недавно убыл по адресу, предложенному щедрым дедушкой Олии. Навстречу своей несостоявшейся окончательной смерти.

Олия стояла рядом, всё ещё прижимая ладони к лицу, но плакать уже перестала.

– Извините меня, – Олия вытерла глаза ладонью, – я вовсе не плакса! Но дедушка меня никогда не простит, – убито добавила она. – Никогда. – Судя по интонации сказанного, это было правдой.

– Ты, знаешь что, ты присядь, – Семён положил серебряные перчатки на оказавшийся поблизости журнальный столик. – И я тоже сяду. Надо всё же поговорить толком, – Семён уселся в кресло, закинул ногу на ногу; Олия пристроилась на краешке соседнего, по другую сторону журнального столика, кресла.

– Э-э... – сказал Семён, не представляя, с чего начать свои расспросы. – Ты есть хочешь?

– Хочу, – девушка несмело улыбнулась. – Я, когда сильно пугаюсь, потом голодной становлюсь. Это нервное, да. Но от чая или кофе я бы не отказалась.

– С пирожным, – подсказал Семён. – Видел, знаю! Сейчас сообразим, – Семён огляделся. – Мар, ты у нас организатор бывалый, подскажи, как в номер еду заказать можно? Не хочу я Олию в ресторан вести, не тот момент. Должен ведь у них какой-нибудь звонок быть, горничную там вызвать, или официанта... Не чёрствыми же пирожками нашу гостью угощать!

– Не видел я никаких звонков, – буркнул Мар. – Попробуй громко потребовать в свой номер того-то и того-то, наверняка гостиничная магия тут имеется... Пирожки чёрствые, ха! А кто виноват? Я, что ли? – Медальон обиженно умолк.

– Верно, – Семён проигнорировал последнее заявление Мара. – Сейчас, Олия, всё будет. Наверное. – Семён прокашлялся и громко сказал в пространство:

– Прошу доставить в мой номер два кофе и пирожных... Ты какие любишь? – Семён глянул на Олию.

– Эклеры, – подсказал девушка. – Или бисквитные. Какие будут, такие пусть и принесут.

– Короче, кофе и разных пирожных, – закончил свой заказ Семён. – Десяток.

Над журнальным столиком замерцало розовое зарево: через пару секунд на столешнице стояли две кофейные чашечки, фарфоровый кофейник и квадратный подносик с разложенными на нём маленькими пирожными. Разными, как и было заказано.

– Так просто? – изумился Семён. – И стоило мне прошлый раз в ресторан идти, когда оказывается, всё можно с прямой доставкой в номер? Мар, ты почему не предупредил!

– А ты что, спрашивал меня? – с усмешкой в голосе ответил медальон. – Тем более, что и сам должен был сообразить. Не первый раз, поди, в гостиницах останавливаешься... А в ресторан ты, Семён, не зря сходил – ещё неизвестно, как бы ты к Олии отнёсся, если бы я её там не увидел и не опознал после, в зале с гробиной.

– С кем вы всё время разговариваете? – поинтересовалась девушка, разливая по чашечкам кофе. – Нас же двое! – Олия взяла пирожное.

– Вот с этим типчиком, – Семён постучал пальцем по медальону. – Моё магическое прикрытие. Болтун, хулиган и циник. Верный друг и товарищ! Надёжный. – Семён тоже взял чашечку.

Мар крикнул, но комментировать сказанное Семёном не стал.

– Тот самый медальон-талисман? – поразились Олия, даже пирожное забыла надкусить. – Который Вирти-тонкурукий создал, придворный астролог императрицы Файли? Дедушка столько о нём рассказывал, о вашем талисмане! Говорил, что для любого вора, даже самого никудышного, это настоящая удача – завладеть тем медальоном. Что очень хотел бы иметь его в своей коллекции, и что не остановится ни перед чем, даже перед убийством, чтобы... – Олия внезапно замолчала и уставилась в чашку.

– Вот! – внушительно изрёк Мар. – Видишь, как некоторые меня ценят! Готовы убить вседисковую воровскую знаменитость ради обладания мной. А он с дурацкими претензиями, пирожки чёрствые вспомнил, фи! – Медальон был явно польщён услышанным. Хотя и старался не подать виду.

– Об этом, Олия, я как раз и хотел с тобой поговорить, – Семён отхлебнул из чашечки: кофе был крепкий, горячий и в меру сладкий. Хороший кофе. – О том, почему твой дед решил меня убить. Но теперь вопрос отпал – мне всё ясно. Из-за моего медальона. Так?

– Нет. – Олия поставила чашку на столик. – Вернее, да – и из-за медальона тоже. Вы, Симеон...

– Давай на «ты», – решительно сказал Семён. – Я-то к тебе на «вы» не обращаюсь! Хотя, возможно, это и невежливо с моей стороны, но так уж получилось. На «ты», договорились?

– Договорились, – Олия взяла ещё пирожное. – Знаете, Симеон... Знаешь, Симеон, – поправила Олия, – сколько людей мечтают тебя убить?

– Меня? – оторопел Семён. – Хорошенькое начало для разговора... И за что, если не секрет?

– За всё, – девушка надкусила пирожное. – За то, что ты удачлив; за то, что не состоишь в Гильдии Воров, что живёшь сам по себе, никому не подчиняясь и никому не кланяясь. А это не каждый может себе позволить – не подчиняться никому! Далеко не каждый...

– Ну, на службе-то я не состою, – согласился Семён, – но кой-какое начальство у меня всё же есть. Имперское, высокопоставленное, – Семён многозначительно поднял глаза к потолку. – Я у него в дежурных помощниках числюсь: беглых дублей при необходимости отлавливаю.

– Я не о том, – Олия потянулась было к следующему пирожному, но остановилась. – Хватит, а то поправлюсь, – девушка откинулась на спинку кресла и продолжила, изредка отпивая кофе:

– Ты, Симеон, свободен и знаменит. Очень знаменит! А многим такое положение дел не нравится. Моему деду, например. Он же, Симеон, тебя люто ненавидит! Да-да, ненавидит! Но, по-моему, это всё из-за зависти к тебе.

– Ко мне? – Семён от удивления, не глядя, чуть было не поставил свою чашечку мимо стола, но вовремя спохватился. – Да на кой я ему сдался, твоему деду? Он богат, у него есть всё... И власть есть! Такая власть, что ему кто угодно другой позавидует! Кроме меня. – Семён покачал головой. – Мне власть не нужна. Никакая.

– Вот, – Олия подалась вперёд. – Вот именно! Ты, Симеон, сам по себе! Всё время – сам! Вокруг тебя то и дело что-то происходит, всякие невероятные события вседискового размаха случаются, а ты этим не пользуешься! Другой на твоём месте, с твоим талантом, сколотил бы свою какую организацию, воровскую ли, политическую, без разницы – поклонников у тебя во всех Мирах хватает, информационные линии связи общедоступны, – и попытался бы пробиться во власть, войти во дворцовую знать... В высший правительственный круг войти! А ты этого не делаешь. Почему?

– Нафиг нам тот круг нужен, – высокомерно отозвался Мар. – Нам заклинания требуются и деньги! Как говорил один из моих хозяев: «Деньги – это свобода. А свобода – это всё!» Ты, Семён, так и передай своей девице-красавице. Слово в слово.

– ...не понимает тебя дед, Симеон, совсем не понимает. И потому – боится. Боится и завидует! Твоим возможностям, Симеон, завидует, твоему таланту. – Олия, конечно, не слышала реплики Мара. А Семён передавать ей слова медальона не стал.

– Какому таланту? – невозмутимо поинтересовался Семён. – Воровскому? Нет у меня, Олия, склонности к воровству. И не было. Это всего лишь случай, что я стал вором с прикрытием, не более.

– А разве я о воровстве говорила? – Олия несмело улыбнулась. – Я говорила о таланте! Таланте работы с магией: умением не только видеть колдовство, но и воздействовать на него! Вручную. Этого не может никто!

– Откуда такие познания? – помолчав, спросил Семён: услышанное его не обрадовало. Собственно, он никогда и не скрывал своего умения, мастерство в карман не спрячешь, но услышать такое от внучки Главы Воровской Гильдии было нерадостно – значит, и Глава тоже знает. Наверняка.

– Полнятся Миры слухами, – уклончиво ответила Олия. – Ты, Симеон, видимо, нечасто в линии связи заглядываешь. Там много чего о тебе сообщается... а если хорошенько поискать, да обдумать всё найденное, то можно сделать верные выводы!

– Какие, например? – заинтересовался Семён. – Расскажи, Олия! Заинтриговала ты меня, чесслово.

– Потом, ладно? – девушка отвела взгляд в сторону. – Нет у меня сейчас настроения разные вседисковые сплетни и слухи пересказывать...

– Потом, так потом, – не стал возражать Семён. – Останусь я до поры, до времени заинтригованным. Вернёмся лучше к кадуцею: что это за мужик с жезлом и бородищей, в хрустальном гробу? Откуда тот гроб у твоего дедушки? Да, кстати, и о дедушке расскажи поподробнее, пожалуйста, – мне надо знать, на какие пакости он ещё горазд! Таких дедушек надо изучать досконально, под микроскопом, чтобы вовремя от них предохраняться. Чтобы мухоморов в суп не накидали тайком, – Семён долил себе и Олии в чашечки кофе.

– Не знаю я, откуда тот гроб и кадуцей, – не обидевшись на «мухоморов», с сожалением призналась Олия, – дедушка в тайне это держит. У него много чего есть, из разных Миров... много чего интересного и опасного! А гроб стоит в подвале нарочно: дед присылает туда неугодных ему людей из Гильдии. Даёт частный заказ выкрасть нефритовый жезл для своей коллекции – то якобы для проверки мастерства, то за тысячу золотых, то на «слабо» берёт, когда как... Смотря на что те бедолаги клюннуть должны... Они, простаки, и пытаются выкрасть! А после их на заднем дворе хоронят. Там у нас уже целое кладбище, – девушка вздохнула. – А дед у меня всё равно хороший, – невпопад сказала Олия, – он меня воспитал, когда родители умерли. Ни в чём мне не отказывал! – И вызывающе посмотрела на Семёна: но Семён возражать не стал – хороший, так хороший. Родственников не выбирают.

– Убьёт он меня, – поникнув, созналась Олия. – Найдёт и убьёт, я же его предала... Нельзя мне в наш замок возвращаться! Никак нельзя.

– Крутой у неё дедуля, – неодобрительно заметил Мар, – хотя и невероятно добрый. Благостный, мда-а... Представляешь, Семён: изумительно хороший старичок убивает изумительно любимую внучку – ну чем не сюжет для картины? Кадуцеем, ага. Или посохом. Зверски.

– Какое предательство? – Семён не сомневался в ответе, но хотел убедиться наверняка.

– Я не дала тебе погибнуть, Симеон, – помедлив, ответила Олия. – Хотела перепрятать жезл, чтобы ты не нашёл... я после кадуцей на место вернула бы. Но теперь... Там, Симеон, в подвале, везде глаза разбросаны: и на полу, и на стенах... маленькие, стеклянные. Как бусинки. Их сразу и не заметишь... Дедушка у чужих оптом купил, специально для своего подвала. Чтобы потом в записи всё внимательно рассмотреть, что да как... Утром и посмотрит, обязательно. А там – я. И ты.

Симеон, нам бежать отсюда надо! Мастер Четырёх Углов знает, где ты остановился... Он придёт сюда, я чувствую! И придёт не один.

Семён озадаченно глянул на девушку: та смотрела на него широко раскрытыми от страха глазами. И были глаза у неё сейчас тёмно-синими, глубокими, как апрельское небо поздним вечером; Семён невольно залюбовался, но тут же одёрнул себя.

– Во-первых, Олия, откуда такая трогательная забота обо мне? – несколько смущённо спросил Семён. Он вовсе не хотел допрашивать девушку, но пришлось. – Помереть не дала, надо же... А во-вторых – откуда твой дед знает, где я нахожусь?

Олия опустила взгляд, нервно потеревила кулон на груди – бриллиантик сверкнул многоцветными лучиками – и неохотно сказала:

– Мне дедушка поручил найти тебя и проследить, с кем ты встречаешься, какие заказы выполняешь... Поручил потому, что я лучше всех в нашей Гильдии с линиями связи работаю... умею искать в них всё, что нужно для Гильдии, и делать правильные выводы из найденного тоже умею! Работа у меня такая – находить по крохам полезные сведения. Например, у кого есть нечто особо ценное и в каком месте оно, это нечто, спрятано. Нужных Гильдии людей тоже я нахожу... Поисковая наводчица я, Симеон. – Олия искоса глянула на

Семёна, как он отнесётся к сказанному ею. – Очень хорошая поисковая наводчица, между прочим! – Олия говорила так, словно оправдывалась перед Семёном, как будто он её в чём постыдном уличил: возможно, профессия аналитика-наводчика в Гильдии совершенно не котирировалась, не престижной была, и Олии было стыдно признаваться в этом знаменитому вору... Вору, которому она час тому назад спасла жизнь. Вернее, пыталась спасти – Семён и сам не прикоснулся бы к той опасной вещице, к окаянному жезлу, постоял бы над хрустальным гробом и ушёл, чёрт с ними, с теми деньгами... Но ведь пыталась!

– И давно ты за мной следишь? – любопытствовал Семён. – Ты не бойся, ни ругать тебя, ни обижать я не стану. Поисковая наводчица – это замечательно! Нужная работа, интересная! Хотя я впервые о такой специальности слышу... Давно, да?

– Два Мира тому назад, – Олия говорила, не поднимая глаз. – Нашла... вычислила... А, не важно как! Нашла, короче, и стала следить.

– Два Мира тому назад, – задумчиво произнёс Мар. – Это где ж было-то? О, вспомнил! Это когда пианину в борделе разломали! Ну, Семён, насмотрелась она на тебя, поди... На красивого такого и пьяного. В стельку. – Медальон коротко хихикнул; Семён потёр лицо – что-то щёки ни с того, ни с сего разгорелись. Слово он с мороза пришёл.

– Понятно, – сухо молвил Семён. – Представляю, что ты там видела... Скажи, а почему ты решила меня уберечь от дедушкиного заказа?

Олия вспыхнула, словно и она на морозе побывала. Ничего не ответив, девушка поставила кофейную чашечку на стол, встала с кресла, огляделась.

– Мне в порядок себя привести надо, – Олия не смотрела на Семёна. – Ванная там? – и, не слушая запоздалого ответа, уверенно направилась в нужном направлении: похоже, планировку номера она знала досконально. Или бывала уже здесь, или в гостиничной информационной линии подсмотрела, когда следом за Семёном в пансионат прибыла.

– Семён, – в изумлении, словно не веря самому себе, воскликнул медальон, едва Олия вышла из гостиной, – да она... Она же к тебе равнодушна! Вот это да-а... Любовь с ней, что ли, стряслась? Нам только влюблённой внучки деда-убийцы не хватало. Ха! Знал бы Мастер Четырёх Углов, чем рядовое задание по слежке за великим Искусником Симеоном для его внучки станет, он бы её на замок в кладовке запер и ключ для надёжности проглотил... Ты чего не отвечаешь, а? Тебя что, тоже ключом попользовали, но разводным и по голове? Хе-хе! – Мар засмеялся было, но тут же умолк: Семён на шутку никак не отреагировал, как сидел сиднем в кресле, так и продолжал сидеть, лишь глазами хлопал; вид у великого Искусника Симеона был донельзя глупый. Слово его и впрямь оглушили.

– Эй! – забеспокоился Мар, – ты это прекрати! Любовь – дело хорошее, одобряю, но сейчас тебе о другом думать надо. О том, куда ноги из пансионата делать! Дедуля утром сказку про хрустальный гроб посмотрит, разъярится и прибежит сюда вприпрыжку как есть, в халате и панамке. Типа разборку устраивать! А оно нам надо? Я-то, конечно, и с тридцатью дедами в панамках управлюсь, подумаешь, но после могут возникнуть осложнения и проблемы. Хотя проблема, кажись, у нас и так уже имеется, – медальон расстроено покряхтел. – Вон твоя проблема, из ванной возвращается...

Олия буквально преобразилась: на ней было асфальтового цвета платье типа «сафари» из плотного материала, со множеством карманов на молниях-застёжках – платье, совершенно не подходящее для официальных приёмов, но удобное и практичное в походе; белая блузка и белые же туфельки на низком каблуке. А ещё Олия воспользовалась косметикой, которой у Семёна, конечно же, никогда в ванной не было. И быть не могло.

Семён встал из кресла, с недоумением уставился на девушку.

– Что-то не так? – забеспокоилась Олия, оглядывая себя. – Вообще-то этот маскировочный костюм раньше никогда сбоев не давал! Хотя и старая модель... «Летучая мышь», конечно, не то, что твой, Симеон, штучный «Хамелеон», но тоже многое умеет! Я его в про-

шлом году из одного забытого спецхранилища выкрала, – с гордостью сообщила девушка. – Сама, без помощи деда! Нашла через линию связи и выкрала.

– Про «Хамелеон» она тоже знает, – вкрадчивым голосом отметил Мар. – Очень, очень продвинутая девица! Любознательная. Хм, не удивлюсь, если и кулончик у неё с магическим секретом, наподобие меня. Хотя вряд ли, я – уникальный и неповторимый! На весь белый свет один-единственный. Что меня и радует.

– Нет-нет, Олия, – поспешно ответил Семён, – всё в порядке! Меня косметика смутила, – Семён развёл руками. – Вроде бы не было её в номере! Да и у твоего бывшего наряда карманов тоже не имелось.

– Ах, вон что! – Олия легонько прикоснулась пальцем к своему кулону. – Всё необходимое – здесь. Это не обычное украшение, кулон у меня вместо сумочки: транспортно-упаковочные типовые заклинания, то да сё... и вместо стандартного опознавательного медальона тоже. Очень удобно! Оригинальная разработка, сделана по заказу моей прабабушки. Семейная ценность, уникальная!

– Я так и думал, – недовольно проворчал Мар. – Но всё же я куда как уникальнее! В тыщу раз! А то и в две. Ты, Семён, поглядывай за девицей, больно она шустрая какая-то. И костюмчик у неё имеется, и кулончик семейный, особый... А, может, она нарочно к тебе подосланная! Уж чересчур гладко одно к другому ложится: вот тебе и благородная спасительница, полностью экипированная к походу, и злобный дедушка-гонитель в наличии, от которого вам надо спасаться; подозрительно, ей-ей! Лично мне – крайне подозрительно.

– Не ревнуй, – шепнул Семён. – Тебе это не идёт.

– Но подозревать-то я имею право? – угрюмо возразил Мар. – Или как?

– Сколько угодно, – разрешил Семён. – Только молча, про себя.

– Наивный ты, – с укоризной сказал медальон. – Чересчур к людям доверчивый, эхма! – и умолк: наверное, снова принялся злостно подозревать. Но уже молча, как и было приказано.

– Олия, – начал было Семён, но тут в дверь номера постучали. Требовательно, постучали, по-полиментовски громко. Без оглядки на поздний час.

– Это мой дед! – вскрикнула девушка, прижимая руки к груди. – Да-да, это он! Мы пропали. Симеон, уходим, прошу! Куда угодно, но уходим!

– Сначала посмотрю, какой такой это дед, – угрожающе пообещал Семён, направляясь к двери. – А удрать мы всегда успеем! Мар, готовь на всякий случай переброску в любой другой Мир, – и открыл дверь.

За дверью стоял Хайк, друг и телохранитель Семёна.

Муж королевы Яны.

Глава 3

Странные Люди, Изучающие Миры Перекрестка

– Какие люди! – неподдельно обрадовался Мар. – Какие женатые короли к нам на огонёк заглянули, сто лет, сто зим! Вернее, две недели с хвостиком... Семён, тебе не кажется, что наш боевой друг как-то хреново выглядит? – озабочился медальон. – Борода набок, синяк под глазом... Да и драный он какой-то, наш мастер рукопашного боя, неухоженный и зело печальный... Неужели у них снова в королевстве переворот случился и товарищ король в бега ударился? Тогда где же его зеленоглазая королева с браслетом удачи? Яна – где?

– Заходи, – отрывисто сказал Семён и, пропустив Хайка, выглянул в коридор: по глубокой ночной поре там никого не было. Семён захлопнул дверь, запер её на ключ и повернулся к неожиданному гостю.

Медальон был прав – воин из клана Болотной Черепахи, мастер многопрофильного боя, наёмный телохранитель Хайк выглядел не лучшим образом. Далеко не лучшим.

Во-первых, куда-то подевались все его роскошные одежды, приличествующие новоиспечённому королю: одет Хайк был в знакомый Семёну тёртый-перетёртый джинсовый костюм, выцветший от времени, весь в неровных заплатках; в лёгких сандалиях на босу ногу и с холщовой сумкой через плечо.

Во-вторых, под левым глазом у Хайка был внушительный синяк, а правая щека крепко расцарапана – с учётом боевого мастерства друга-телохранителя Семён немедленно заподозрил, что тот совсем недавно сражался с десятком-другим профессиональных воинов. С полувзводом десантников-каратистов, например. Не менее!

– Привет, – грустно сказал Хайк. – А я от жены ушёл.

– Привет, – ответил Семён. – Что?!

Хайк прошёл в гостиную и безо всякого выражения на лице посмотрел на Олию; девушка, ответно глянув на Хайка – всклоченного, несчастного, побитого, с исцарапанной физиономией, – как ни странно, сразу успокоилась: это был не её дед, значит, опасность миновала. А побитых, несчастных да расцарапанных она за свою жизнь много повидала! Испуга они у неё давно не вызывали. Жалости, впрочем, тоже.

– Хайк, – помолчав, наконец представился ночной гость. – Друг Симеона... Вы, извините, случаем не принцесса или королева будете?

– Нет, – Олия глянула на Семёна, тот кивнул – можно, мол, говори.

– Я – внучка Главы Воровской Гильдии, – девушка запнулась. – Воровка я. А зовут меня Олия.

– Очень приятно, – ожив лицом, с чувством ответил Хайк. – Очень! Я, Олия, с некоторых пор терпеть не могу ни принцесс, ни королев. Это здорово, что вы воровка, а не принцесса. Я рад.

Семён подошёл ближе и внимательно оглядел приятеля: в остальном Хайк ничуть не изменился – такой же худой, такой же нескладный. Ну, обтрёпанный, ну, патлы до плеч, нечёсанные и немытые. Ну, борода свалывшаяся... С кем не бывает! Тем более, если от жены ушёл...

– Я не понял, – громко сказал Семён. – Ты действительно сам от Яны ушёл, или она тебя выгнала? Удалила от себя.

– Сам, – Хайк с остервенением почесал голову. – Пока тебя нашёл, совсем запаршивел! Недельку за тобой по разным Мирам бегал, никак догнать не мог, фу-у... И вообще – за мной погоня! Жандармы-сыскари, чтоб им... Слушай, Симеон, я пойду искупаюсь, а? Мочи больше нету грязным ходить. После и поговорим. Ванная где?

– Там, – Семён ткнул рукой. – Только ты побыстрее, мы вот-вот удирать будем! Нас тут вскоре убивать собираются, так что долго задерживаться никак нельзя.

– Мне тоже нельзя, – на ходу кинул Хайк, – меня тоже скоро убивать будут, – и скрылся в ванной комнате.

– Интересная, господа, нынче ситуация получается, – воодушевлённо известил медальон. – Архинтересная! Ну, то, что ванная сегодня повышенным спросом пользуется, это ладно, мелочи... Кстати, Семён, может и ты искупаешься, на дорожку? Нет? А, ну и ходи немытым, с табачным пеплом в шевелюре... Я вот о чём хотел сказать: странно всё это, господа! Сначала на нас сваливается невинная дева, после беглый муж и – обратите внимание! – их всех собираются в ближайшее время убить. И нас, кстати, тоже, заодно. Не слишком ли много происшествий за одну короткую летнюю ночь? И кто, хотелось бы мне знать, собирается лишить жизни нашего дорогого многопрофильного королька? Нашего непобедимого рубаку-парня? Ревнивая жена вместе с королевской гвардией? Или...

– Мар, не тарыхти как телевизор, – поморщился Семён. – Вот на всё у тебя мнение есть! Особое и веское. погоди, выйдет Хайк, объяснит, тогда и... – он осёкся: в дверь снова постучали, на этот раз аккуратно, негромко.

– Кто там? – зло крикнул Семён. – Чего надо?!

– Извините, уважаемый, – пролепетали за дверью, – это гостиничная администрация. Нам... мне поговорить с вами надо! У нас, мнэ-э... у меня дело особого, деликатного свойства... лично поговорить требуется, с глазу на глаз. Будьте любезны, откройте дверь!

– Отдыхаю я! – рявкнул Семён. – Завтра утром говорить будем.

За дверью завопили, кого-то с силой пихнули – раздался звук, словно по толстому кулю с мукой стукнули, – и в дверь снова постучали, но уже гораздо громче, гораздо. Ногой, наверное. Сапогом.

– Открывай, пля! – требовательно крикнули за дверью, – это королевская жандармско-сыскная служба её величества Яны Первой! Открывай, а не то дверь ломать будем!

– Господа, господа, – плаксиво зачастил администраторский голосок, – нельзя, зачем же вы так, дверь новая, в прошлом месяце ремонт делали, – вновь раздался удар по кулю с мукой и голосок, протонав: – Вы звери, господа! – утих. Теперь уже надолго.

– Олия, туда, – Семён махнул рукой в сторону ванной комнаты, – бегом! – Схватив напоследок с журнального столика одноразовые серебряные перчатки, Семён тоже кинулся к ванной. – Мар, включай транспортное заклинание, убираемся отсюда домой... то есть, в домик Кардинала! – В дверной замок уже били снаружи чем-то тяжёлым, сильно били, наверное, ногой: ещё пара ударов и новая дверь наверняка не выдержит, разве ж это дверь, смех один, – на бегу подумал Семён.

Ванная комната, к счастью, оказалась не заперта: намыленный Хайк, включив краны на полную и потому не услышав панического вторжения, старательно оттирал лицо здоровенной банной мочалкой, сидя на краю полупустого бассейна; ворвавшись следом за Олией, Семён подхватил с пола тяжёлую холщовую сумку и, кинув в неё перчатки вместе с одеждой Хайка, скомандовал:

– Поехали! Олию с Хайком не забудь, понял?

– А то, – согласился медальон. – Само собой!

В гостиной что-то с грохотом упало, торопливо забухали по полу сапоги и...

Перенос произошёл мгновенно: только что Семён стоял в ванной комнате, в облаках пара и брызг, а через секунду очутился уже в другом месте. В совсем другом! Не в домике Кардинала. И даже не в том Мире, где находился тот домик.

– Обана! – растерянно сообщил очевидное Мар. – Однако, мы не там, куда собирались. Я, кажись, здорово промахнулся. Почему? Ни хрена не понимаю...

Они стояли на песчаном берегу озера, большого и чистого: вокруг озера зеленел густой лес. Позади, за спиной Семёна, в лесу щебетали птицы и тянуло оттуда сырой грибной прохладой; посреди озера, на каменном островке, высился замок, абсолютно чёрный, узкий и пугающе высокий. Выглядел замок странно оплывшим, без единого острого угла; верхняя часть высотного строения заметно скособочилась – как будто некогда замок ухитрился попасть под прицельный термический удар. Словно его долго и с удовольствием заплёвывали огнём боевые драконы; Семён с тревогой глянул в небо.

Нет, это точно был не тот Мир, куда Семён ожидал попасть: в том Мире было всего одно солнце! Здесь же их было целых три – одно большое, гораздо больше того, которое по утрам поднималось над берёзами, обступившими домик Кардинала, – и два поменьше, потусклее, зависшие с одной и другой стороны основного. Собственно, эти два солнышка не очень-то и тянули на громкое звание небесных светил: просто два достаточно ярких пятна, не более. Возможно, это было всего лишь какое-то местное атмосферное явление, вроде ложных зимних солнц, но Семёна это зрелище ничуть не интересовало – главное для него было то, что они удрали! Хотя и непонятно, куда.

– Кто воду выключил? – крикнул Хайк, сидя на песке и слепо шаря вокруг себя рукой с зажатой в ней мочалкой. – Мыло глаза ест! Что за шутки... и бассейн куда-то подевался... Эй, что случилось? Где мы?

– Спокойствие, только спокойствие, – Семён торопливо ухватил намыленного приятеля за скользкую руку, поднял его и подвёл к кромке воды. – Мы, Хайк, уже не в номере пансионата, а в ином Мире, и прямо перед тобой лежит целое иномирное озеро! Давай, топай вперёд и быстренько домывайся... К нам жандармско-сыскная служба не вовремя припёрлась, горячий привет от твоей жены принесла, так что пришлось уволочь тебя без предупреждения!

– А, – равнодушно сказал Хайк, – понятно. Вещи мои хоть захватили? – и, войдя в воду, побрёл на глубину, оставляя за собой мыльные пенные островки.

– Захватили, – Семён потрусил сумкой, там глухо забрякало. – И куртку, и штаны, и сандалии, и всё остальное. Полотенце забыли, ты уж не серчай. – Хайк, ничего не ответив, нырнул и скрылся под водой. Семён повернулся к Олии – та, стоя спиной к озеру, с отсутствующим видом изучала ничем не примечательное ближнее дерево: Семён тоже устался на него, но потом вспомнил, что Хайк был голым и всё понял.

– Он там плавает, – Семён положил сумку на песок. – Моется. Когда будет выходить, тогда опять на деревья и посмотришь. А пока что... – Семён не закончил свою мысль, не успел: из глубины леса донёсся отдалённый громовой всхрап, тут же перешедший в невнятное безостановочное бубнение. Казалось, что там, в далёком лесном далеке, кто-то великанский – судя по силе голоса – безостановочно шпарит речитативом что-то угрожающее, перемежая свои угрозы надсадным кашлем; голос явно приближался, бормотание постепенно становилось достаточно членораздельным и даже местами приобретало смысл.

– Что это? – с испугом спросила Олия, невольно пятась от стены деревьев, – чудовище? Дракон-людоед? – девушка оступилась и чуть не упала в воду, но Семён вовремя успел её подхватить.

– Не думаю, – усмехнулся Семён, ставя Олию на ноги. – Вряд ли драконы говорят *такое*... Прислушайся!

Голос, в котором заметно проскальзывали жестяные нотки, в это время довольно отчётливо проревел:

– ...запрещается во избежание внезапного упадания! Также, граждане экскурсанты, категорически не можно... – чего там категорически было не можно, ни Олия, ни Семён не услышали: голос заперхал и пропал, внезапно, точно также как и возник. Словно его выключили.

– Гид-экскурсовод называется, – пояснил Семён. – С мегафоном и туристами. Сейчас появится, – словно в подтверждении сказанного из-за ближних верхушек деревьев выплыла прямоугольная платформа: по размерам транспортное устройство походило на памятный Семёну автобус «Икарус», только без кузова и без колёс – платформа опустилась пониже и неспешно полетела над берегом, издавая лёгкое кошачье мурлыканье.

На летающей платформе, уставленной двухместными сиденьями, было полным полно экскурсионного народа: барьеры-поручни по периметру платформы не позволяли излишне любопытным свалиться на землю, ограничивая тем самым право народного демократического выбора. На предмет внезапного упадания.

Впереди, на носу платформы, сидели водитель и, спиной к нему, обещанный Семёном гид-экскурсовод: в руках гид держал устройство, действительно похожее на мегафон – разница заключалась лишь в том, что вместо раструба у этого шумного устройства был рот, больше похожий на пасть, а вместо микрофона – ухо. Гид озабоченно ковырял мизинцем в ухе-микрофоне, поглядывая при этом то на экскурсантов, то по сторонам. Заметив Семёна и Олию, гид тут же поднёс живой мегафон ко рту и оповестил всех, хотели они того или нет:

– А вот, граждане, местные аборигены! Чем живут, как живут – науке неизвестно! Видимо, на подножном корму или на случайной гуманитарной помощи. О традициях: в положенный день кормёжки Огненной Рыбы-Зверя, обитающей в озере, один из аборигенов добровольно отправляется на съедение... Кстати, обратите внимание на человека в воде, – экскурсовод глянул вниз. – Вам, граждане, неслыханно повезло! Именно здесь и сейчас вы станете очевидцами свершения древнего ритуала, видеть который дано не каждому! И помните – всё это организовала вам экскурсионная фирма «Ужаснись», лидер туристического бизнеса Теневого Мира, самая лучшая фирма из существующих... Граждане экскурсанты! – рявкнула пасть, – не скапливайтесь на одном борту, видно будет всем! Мы подлетим к месту ритуала, и вы... – мегафон опять закашлялся и выключился; непослушные граждане столпились на переднем краю платформы, чуть не сбросив со своих мест водителя вместе с гидом, и, навалившись животами на предохранительные поручни, во всю глазели на добровольного жертвенного аборигена: жертвенный абориген, не подозревая ничего худого, кролем чертил водную гладь озера, всюю радуясь жизни.

– Хайк! – что было мочи завопил Семён, – плыви на берег! Кому говорю, плыви! Гребн сюда!

Мегафон вновь ожил:

– Сейчас вы слышите ритуальные крики соплеменников, крики, долженствующие обозначать тревогу за жизнь соплеменника. Далее, после пожирания Рыбой-Зверем её жертвы, последует ритуальный плач и посыпание голов песком... Граждане! Да уймись же... Граа-а-ж... – перегруженный нос транспортного устройства не выдержал веса скопившихся на нём людей: платформа резко накренилась, с треском сломались поручни и экскурсанты посыпались в озеро как пельмени в кастрюлю. Хорошо хоть, что произошло это у берега, на мелководье. Полегчавшая платформа вернулась в прежнее горизонтальное положение и недвижно зависла на месте – водитель, как и все, плескался в озере.

Первым на берег выбрался гид, с него текло ручьём: став лицом к озеру, экскурсовод тут же бодро заявил через мегафон:

– Граждане! Всё в порядке, ситуация под контролем! Неожиданное купание является плановой частью нашей увлекательной поездки! Вы лично смогли ощутить, какие чувства должна испытывать обречённая на съедение жертва... Попрошу без паники – Рыба-Зверь на мелководье не заплывает! Выходим организованно, весело, и не забываем, что экскурсионная фирма «Ужаснись» всегда на страже интересов наших клиентов! И оправдывает своё название, – голос у мегафона был сиплый, булькающий, наверное в него изрядно натекло воды.

– Ну и пройдоха, – радостно изумился Мар. – Видал я пройдох, но такого... Ловко выкрутился! Наш человек, наш. Молодец!

– Эй, уважаемый, – Семён подошёл к гиду, похлопал его по мокрому плечу, – насчёт человеческих жертвоприношений: это, надеюсь, шутка? Фирменный рекламный трюк, да?

– Почему же трюк, – гордо ответил экскурсовод, повернувшись к Семёну. – У нас всё честно! Каждый опасный сектор других Миров, временно сброшенный в Тень – то есть помещённый на хранение к нам, в Теневой Мир, – остаётся в полной неприкосновенности. Какой есть, такой и есть! Нам обман ни к чему, мы – фирма солидная, с многолетними традициями. А вы... э-э... собственно, кто такой? – гид с подозрением оглядел Семёна: тот всё ещё был в трико и на экскурсанта никак не походил. Не тянул.

– Имперская этнографическая экспедиция, – небрежно ответил Семён. – Собираем легенды, сказки, тосты... Я – начальник экспедиции. Вас что, не предупредили? Упущение, упущение... Кому-то крепко не поздоровится! У нас, понимаешь, научный эксперимент в полном разгаре: Огненную Рыбу-Зверя выманиваем, для налаживания вербального контакта, а тут шум, гам! Авария с вываливанием тел! Непорядок. Надо будет доложить. – Судя по всему, гид не знал, что такое «этнография» и «вербальный», и какое такое отношение имеют сказки и тосты к местному чудовищу, но «Имперская экспедиция» и «не поздоровится» он понял.

– Мы действуем согласно договору, – засуетился гид, – у нас лицензия! И налоги вовремя отчисляем! Зачем же так сразу – доложить... Вы же на работе и я на работе. Договоримся, надеюсь? – экскурсовод улыбнулся настолько заискивающе и многозначительно, что Семёну нестерпимо захотелось немедленно получить у него взятку. Но это не входило в его план; впрочем, пока что у Семёна не было никакого плана. Пока что.

– Вы людей принимайте, – Семён поглядел в сторону озера, – да телегу свою на землю опустите, если можете, чего она наверху болтается... Ещё ветром угонит. Давайте, действуйте, – экскурсовод беспрекословно повиновался, признавая право Семёна командовать им. Видимо, сработал безусловный рефлекс подчинения, разбуженный громким и непонятным званием Семёна: спорить с начальником этнографической экспедиции гид не стал. Вместо этого он поднял свой мегафон и начал отдавать булькающие распоряжения, призывая граждан экскурсантов организованно построиться на берегу, проверить, все ли на месте, не утоп ли кто с испугу – ха-ха, шутка! – а некому Вовчиде как угодно, но опустить платформу на землю, для удобства посадки пассажиров и продолжения оплаченной экскурсии.

Последним на берег вышел Хайк. Не обращая внимания на шокированных его видом экскурсантов, он попрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха, после чего достал из сумки свои вещи, вытерся курткой и стал одеваться; Олия опять принялась разглядывать деревья, а Семён напрямик направился к товарищу.

– Как там? – вполголоса спросил Семён, – всё нормально? Говорят, в озере какая-то рыба-зверь живёт, огненная. Весьма опасная! Ей, говорят, регулярно жертвы приносят... Людей она харчит, вживую.

– Огненная? То-то вода такая тёплая, – Хайк надел сырую куртку, отряхнул прилипший к ней песок. – Даже вылезать не хотелось... Насчёт звериной рыбы не знаю, но какая-то дрянь там и впрямь обитала. Цапнуть меня за ногу пыталась, когда я нырнул! Большая дрянь, зубастая...

– Ну, а ты что? – Семён вздрогнул, представив себе Хайка с откушенной ногой.

– Да ничего особенного, – Хайк глянул на озеро. – Мочалку ей в глотку забил и все дела. Пасть большая, а глотка маленькая, надо же! Забавно. Задохнулась уже, поди, ежели без жабр... Мочалку жалко, – Хайк осуждающе покачал головой. – Хорошая мочалка была! Жёсткая, – посчитав тему разговора исчерпанной, он поднял сумку и нацепил её на плечо.

Водитель платформы каким-то образом ухитрился опустить своё транспортное средство на берег: мокрые экскурсанты, обсуждая неожиданное происшествие – кто со смехом, кто с руганью, – спешили забраться на платформу, подальше от опасного озера с ужасной Огненной Рыбой-Зверем.

– Симеон, – кто-то коснулся плеча Семёна, он повернул голову: рядом стояла Олия. – Попроси этого гида, пусть он нас отвезёт на каменный остров с замком, а?

– Зачем? – Семён с неприязнью глянул на оплавленный замок. – Чего нам там делать-то? Горелый, как Останкинская башня, явно нежилой... Подозрительный и опасный. Вот ещё!

– Ну я тебя очень прошу, – Олия умоляюще приложила руки к груди. – Я потом объясню, времени нету: они уже взлетать собираются!

– Гражданин экскурсовод! – крикнул Семён, – задержите вылет! Мы отправляемся с вами, – и вся троица бегом припустила к платформе. Гражданина экскурсовода это не сильно обрадовало, но вылет он всё же задержал: Олия и Хайк прошли в глубь транспортного устройства, а Семён остановился возле гида.

– Шеф, до острова подкинь, – Семён ткнул пальцем в сторону чёрного замка. – Экспедиция переносится туда по секретным техническим причинам... Кстати, а замок не опасен?

– Кто ж его знает, – гид, прикрываясь от солнца ладонью, посмотрел на замок. – В моём маршрутном списке ничего о нём не сказано. Может, и опасный... да здесь всё опасно! Иначе бы с чего народ сюда так ломился, на безопасные пейзажи и в других Мирах полюбоваться можно... Вовчид, притормозишь над островом, но к замку близко не подлетаешь, на всякий случай... Граждане! – гид поспешно схватил мегафон, – посмотрите вниз! Вот она, знаменитая Рыба-Зверь, во всём своём ужасающем великолепии! Какая пасть, какие зубы! ... Вовчид, сделай круг, – Семён перегнулся через борт и тоже глянул вниз.

Рыба-Зверь была похожа на морскую хищную барракуду, только гораздо больших размеров и с многочисленными когтистыми лапками по бокам; сейчас Рыба-Зверь мирно плавала в озере, не проявляя никакой агрессии – плавала вверх брюхом, поджав скрюченные лапки и выпучив в небо остекленелые глаза. Из открытой пасти Рыбы-Зверя торчал край банной мочалки.

– ...Коварная Рыба-Зверь, не получив долгожданной жертвы, всегда притворяется мёртвой в надежде поживиться птицами-трупоедами, – уверенно продолжал гид с видом знатока-натуралиста. – Как видите, получается у неё это весьма успешно... Очень похоже, очень! Но будьте бдительны – стоит зазеваться, и...

Кто-то из экскурсантов бросил вниз пустую бутылку из-под пива: та звучно стукнула Рыбу-Зверя по голове, но Рыба-Зверь всё равно продолжала коварно притворяться дохлой. Весьма успешно, как сказал умный гид.

Ничуть не смутившись, гид продолжил:

– А следующей целью нашего осмотра будет новинка, жуткая и смертельно опасная, изъятая из одного мёртвого Мира, где нынче проводятся исследовательские работы – это громадный плотоядный рот с глазами, который жрёт всех подряд! Предупреждаю: платформу не переворачивать, рот не дразнить, бутылками в глаза не швыряться! Нарушитель будет крупно оштрафован по возвращению на базу... или оставлен в том секторе, где он нахулиганил. В виде наказания, – гид ухмыльнулся не менее плотоядно, чем ожидаемая осмотра новинка.

– Тэкс, – сказал Мар. – Значит, забрался-таки гражданин Шепель в мавзолей легионеров! Вот же настырный какой, дурачок археологический... Что ж, поделом ему! В следующем перерождении будет знать, как других подставлять, – медальон, неожиданно придя в хорошее расположение духа, принялся весело насвистывать что-то мрачно-заунывное. Похоронный марш, наверное.

Остров приближался: платформа вошла в тень от оплавленного замка и сразу стало зябко, неуютно – экскурсанты притихли, задрав головы и настороженно разглядывая злоеющее чёрное сооружение; транспортное устройство миновало береговую линию и нерешительно заколыхалось на месте.

– Снизайся, – нервно приказал гид водителю и тот сразу опустил платформу на каменный берег.

– Большое вам спасибо, – Семён крепко, от души пожал руку гиду. – Ваш вклад в развитие имперской этнографии поистине неоценим! Наука в моём лице выносит вам благодарность, – Семён спрыгнул с невысокой платформы на берег, следом за ним спрыгнули Олия и Хайк; платформа тут же поднялась вверх и, увеличив скорость, пошла по дуге, огибая остров с замком. Последнее, что заметил Семён, это был взгляд гида: тот смотрел на начальника этнографической экспедиции скорбно, как на покойника. Возможно, гид знал больше, чем сказал Семёну... Во всяком случае, взгляд Семёну не понравился.

– Что ж, господа этнографы, – Семён упёр руки в бока, оглядел друзей, – поздравляю вас с прибытием на необитаемый остров. Только я понятия не имею, зачем он нам... Олия, ты ничего не хочешь объяснить?

– Чуть попозже, хорошо? – девушка смотрела на чёрное здание во все глаза. – Я схожу, проверю, тот ли это замок или не тот, а вы пока располагайтесь... – и, не оборачиваясь, направилась к оплавленному строению быстрым шагом.

– В каком смысле – тот или не тот? – крикнул ей вслед Семён, но Олия не ответила; Семён повернулся к Хайку и пожал плечами: мол, ничего не понимаю. Потом махнул рукой:

– Давай и впрямь располагаться. Устал я что-то... Эх, поесть бы сейчас хорошенько, а потом поспать! Но с едой у нас напряжёнка, вроде бы... Мар, точно ничего съедобного нету?

– Ну-у, – в задумчивости протянул медальон. – Даже и не знаю, как тебе ответить... Человеческого – нету. Кроме чёрствых пирожков, в количестве трёх штук, причём два из них надкушены...

– Да? – заинтересовался Семён. – А нечеловеческая еда, это что?

– Кошачьи консервы, – доложил Мар. – В смысле, консервы для кошек, мясные. Мы когда-то промышляли поставками поддельной тушёнки: этикетки переклеивали и продавали кошачий корм как тушёную говядину. Вот, пяток банок завалилось...

– Давай пару, на пробу, – решился Семён. – Кошка дрянь есть не будет! Значит и для нас сойдёт, за неимением ничего другого. Давай-давай, а то жрать хочется до невозможности!

– Как пожелаешь, – грустно сказал медальон. – Но учти – какую либо ответственность за возможные хреновые последствия я на себя не беру. Сам попросил!

– Какую ответственность? – насторожился Семён, разглядывая появившиеся у его ног консервные банки. – Отравиться можем, что ли?

– Не. А ну как вы мяукать после начнёте и хвостами обзаведётесь? – расхохотался Мар. – Пушистыми, трубой!

– Шутник, – буркнул Семён, присаживаясь. – Остряк. Слушай, комик ты наш, а кошачьего пива у тебя, случаем, нету? До кучи.

– Брага есть, – всё ещё похихикивая, ответил медальон. – Но вы ж такое не пьёте! Ни ты, ни Хайк.

– Давай брагу, – Семён уселся по-турецки, открыл банку, дёрнув за кольцо на крышке. – И стаканы давай! В походных условиях и не такую дрянь пить можно... А она не слишком гнусная?

– Не слишком, – заверил Мар. – Блевать, надеюсь, не будете.

...Семён и Хайк сидели на берегу, пальцами выковыривая из банок кошачий корм и регулярно чокаясь гранёными стаканами: объёмистая бутылка с мутным пойлом была уже на треть пустой; Олия ещё не вернулась и Семён уже начинал беспокоиться, но пускаться

на розыски пока что не стоило – вряд ли за прошедшие полчаса с ней могло что-нибудь произойти. Вряд ли. Не маленькая ведь! Походит, посмотрит и вернётся...

– Слушай, Хайк, – Семён проглотил очередной безвкусный кусочек мяса, в который раз удивившись, почему кошки так любят эти дурацкие консервы, – и всё же, если не секрет, почему ты удрал от Яны? Конечно, можешь не отвечать, если не хочешь, но всё же?

Хайк помолчал, заглянул в свой пустой стакан, налил браги себе и Семёну, всё молча. Потом чокнулся с Семёном, выпил и сказал:

– Я, друг Симеон, был нужен ей не как муж, а как палач-телохранитель, как наказатель государственного масштаба, вот таким образом... Эдакий король-убийца, всенародное пугало, которым непослушных детей устрашают! Плохой король и хорошая королева, нда...

– Не понял, – Семён уставился на Хайка поверх стакана. – Совсем не понял!

– Чего ж тут непонятного, – Хайк сосредоточенно выуживал из банки закуску. – Опоила она меня чем-то, пока ты ей подарок к коронации искал, я и перестал соображать: что говорила мне, то и делал... Мы, кстати, так и не повенчались – я как раз перед свадьбой удрал. Очнулся и удрал.

У Яны, между прочим, любовник есть, какой-то хлыщ из придворных... А, может, и не он один, запросто! Я раньше не замечал всего, вернее, замечал, но не понимал, а уж когда отпустило, тогда да, вспомнил и понял. – Хайк вытрусил из банки остатки кошачьей еды, кинул их в рот, глянул на Семёна и неожиданно подмигнул ему.

– Ни фига себе... – у Семёна отвисла челюсть от услышанного. – Вот так скромница, вот так принцесса-одуванчик! А я-то и подарок ей особый, и наилучшие пожелания... Какой же дурак! – Семён расстроено покачал головой. – Ну и дамочка! Зараза в юбке.

– Дамочка ещё та, – с серьёзным видом сказал Хайк. – Очень себе на уме... Я, Симеон, последнее время ни с того, ни с сего тосковать начал. Вроде всё славно: и свадьба скоро, и невеста-красавица, и королевскую мантию уже мне шьют, а – тоска! Словно не жениться я собрался, а вешаться... Ну, я по старой привычке раздобыл кой-каких травок, однажды вечером набил ими трубочку и покурил чуток, для поднятия настроения. Курю и чувствую: что-то со мной происходит, словно какая тяжесть с плеч сваливается – от травы, правда, несколько другой эффект должен быть, ну да ладно, всё одно хорошо! Докурил я трубочку и... И пришёл в себя. То есть всё вспомнил, в один миг – как Яна мной надменно командовала, хоть бы раз слово ласковое сказала... ухмылки-перемигивания придворных и шепоток за спиной вспомнил... и то, что Яна категорически запретила мне сегодня к ней в опочивальню заходить. Впрочем, она меня туда и не пускала никогда... ты понимаешь, о чём я. – Хайк криво усмехнулся, плеснул себе браги в стакан, выпил залпом. – Я взял и напрямик направился в ту опочивальню, плевать мне было на приказ, очень уж сильно я разозлился! Там-то всё и увидел... Яна с дружка своего соскочила – как была разгорячённой, так и соскочила, в глаз мне с размаху врезала, ещё и ногтями прошлась, – Хайк потрогал щёку. – Сказала: «Пшёл вон, скотина!» Я развернулся и пошёл... Ну не убивать же её, в самом деле! – Хайк с тоской посмотрел на Семёна. – Женщина, как-никак! Хотя и змея подколотная... Переоделся я в своё, забрал сумку с шаром предсказаний из сокровищницы, денег ещё прихватил на дорожку и отправился тебя искать. На том, Симеон, моя королевская женитьба и закончилась, – Хайк, не замечая того, сжал в кулаке пустую консервную банку, та хрустнула; несостоявшийся жених швырнул жестяной комок за спину.

– Ситуация, блин, – вздохнул Семён. – Единственно, что радует – это то, что ты вовремя в себя пришёл, не натворил зверств с подачи Яны Первой, доброй и всемилостивой! Эх, Яна, Яна... – Семён рассеянно покатал стакан в ладонях. – Вон почему за тобой жандармы-сыскари бегали-то! Мстила тебе Яночка, факт... Кстати, а как они тебя нашли?

Вместо ответа Хайк распахнул куртку и ткнул себе в грудь: там висели два медальона, один знакомый Семёну – круглый, размером со стандартный имперский жетон,

дымчато-золотистый и полупрозрачный, личный жетон Хайка, – другой прямоугольный, стальной, с вычеканенной на нём зубчатой короной. Семён хмыкнул, почесал в затылке и признался:

– А я его в упор не заметил, даже когда ты купался. Хотя тогда вовсе не до разглядываний было, с той развесёлой экскурсией! С самоупадательной.

Хайк снял с шеи цепочку с прикреплённым к ней прямоугольным жетоном, подбросил его пару раз на ладони, словно примериваясь, и неожиданно швырнул тяжёлый медальон далеко в озеро: стальная пластинка сверкнула красной искоркой в лучах заходящего солнца и беззвучно ушла в воду.

– Королевский медальон с транспортными заклинаниями мне Яна на грудь повесила, – хмуро объяснил Хайк. – Собственноручно. Чтобы я мог по её приказанию вершить суд и расправу там, где она посчитает нужным. И не только в её королевстве! И не только в Изумрудном Море... Сказала, что по этому замечательному подарку она меня всегда сможет отыскать, если я ненароком заблужусь в других Мирах. Такая, чёрт её побери, трогательная забота, – Хайк зло сплюнул. – Я бы от него раньше избавился, но тебя надо было найти... А теперь пусть меня в этом озере ищут! Авось решат, что я утонул.

– Из всего сказанного меня удивило лишь одно, – с усмешкой в голосе поведаль Мар. – Не двуличность нашей зеленоглазой королевы, нет, это для настоящего монарха в порядке вещей и является свойством естественным, как яд у гадюки... Удивило меня то, что наш друг ухитрился самостоятельно освободиться от чар любовного зелья. Повезло мужику! Оно, конечно, всякую разную дурман-траву курить вредно, врачи не советуют, но если от неё просветление в мозгах наблюдается, причём радикальное, то отчего ж и не покурить? Семён, ты название травки на всякий случай узнай: ежели и тебя любовная хандра ненароком скрутит, забьёшь косячок, пару раз полезного дымку глотнёшь и – порядок! Снова весёлый и холостой.

А ещё, Семён, спешу тебя обрадовать: судя по всему, плакал наш неограниченный кредит от Яны! И хрен с ним, выкрутимся, – с присущим ему оптимизмом пообещал медальон. – Для начала деньжата есть, у тебя и у Хайка, а там посмотрим... Может, ещё какую королеву подцепим и на кредит раскрутим! Долго ли, умеючи.

– Эт-точно, – согласился Семён и зевнул. Потом зевнул ещё раз.

– Хайк, – сонно произнёс Семён, – что-то я притомился, больно уж день суетной и длинный выдался! Отдохну чуток... Ты, когда Олия придёт, разбуди меня, ладно?

– Обязательно, – Хайк пододвинул к себе ополовиненную бутылку с крепкой брагой, налил стакан и в задумчивости уставился на озеро, думая о своём; рубиновое вечернее солнце опускалось за далёкий лес, уводя с собой такие же рубиновые ложные светила; было тихо-тихо, как в ночном музее.

Семён лёг на спину, сложил руки под головой и немедленно уснул – крепко, безмятежно... И спал долго, без сновидений.

Пока в озере не взорвалась Рыба-Зверь.

Глава 4

Сонный Лабиринт: Ищем Магическую Помощь!

Семён проснулся от взрыва резко, сразу. Проснулся и сел.

Ночь наступила давно: всё небо было усыпано звёздным крошевом, плотно, как морской пляж галькой – маленькая луна с двумя её блеклыми спутницами-дублями терялась на фоне ярких звёзд; далёкий чёрный лес спал.

А на полпути к лесному берегу опадал водяной бугор: от бугра шли крупные волны, раскачивая и ломая отражённое небо; там и тут неспешно всплывали брюхом вверх оглушённые рыбы. Рыбин было много, и крупных, и мелких. Разных.

– Что случилось? – хриплым со сна голосом спросил Семён. – Где Олия? – Он огляделся: неподалёку сидел Хайк, взлохмаченный, явно спросонья, как и Семён.

– Не знаю, – так же хрипло ответил Хайк. – Извини, я тоже задремал, бражка меня усыпила. Ну-ка, – Хайк вскочил на ноги, подошёл к озеру; Семён откашлялся, встал и тоже побрёл к воде – очень пить хотелось. Пока Хайк внимательно рассматривал то место, где случился взрыв, Семён зашёл в воду, напился, черпая из озера сложенными ковшиком ладонями, умылся; выходя на берег, он наступил на что-то упругое, круглое: с испугу Семён шарахнулся было в сторону, но остановился и пригляделся. Это была скрюченная когтистая лапа Рыбы-Зверя, одна из многих – взрывом её закинуло аж на берег. Подобрав лапу, Семён направился к Хайку.

– Вот, – сказал Семён, кинув к ногам Хайка свою находку. – Остатки диверсанта-взрывника. Узнаёшь? – Хайк присел на корточки, потрогал пальцем один из длинных когтей, глянул на Семёна снизу вверх:

– Ну и что?

– Что, что... Рыба-Зверь взорвалась, вот что. Она же внутри огненная! Сдохнуть сдохла, а огонь, видать, не погас – вода в неё просочилась, вот Рыба-Зверь и рванула как перегретый паровой котёл, – Семён огляделся по сторонам: Олии нигде не было видно. Если б она спала где-нибудь неподалёку, то, услышав взрыв, обязательно проснулась бы и пришла! Значит, Олия не здесь, а скорее всего...

– Пошли, Хайк, в чёрный замок, Олия наверняка там! – Семён повернулся и ткнул рукой в сторону того замка, ткнул и застыл, не веря своим глазам: замок был вовсе не чёрный! Возможно, на него так подействовал звёздный свет, возможно, лунный, но так или иначе, а нынче мрачная постройка светилась насыщенным синим светом; по оплавленным стенам текли лёгкие голубоватые всполохи – напоминал сейчас замок некую высоковольтную установку в рабочем режиме. Генератор Ван-де-Граафа на двадцать мегавольт, например, полностью заряженный и готовый к употреблению.

– Была у нас экспедиция этнографическая, – упавшим голосом сказал Семён, – а станет натурально спасательная... Хайк, ты ничего странного с замком не замечаешь?

– Ничего, – с задержкой сообщил Хайк. – Я и сам замок-то еле-еле вижу, слишком он чёрный!

– Ага, – зябко передёрнул плечами Семён. – Понятно. Магия, значит... Сильная магия! Вот чёрт, – и торопливо зашагал к электрическому синему зданию. Хайк топал сзади, негромко звякая на каждом шагу золотом в сумке: в тишине металлическое бряцанье напоминало звон кандалных цепей и сильно раздражало Семёна – ему невольно представились сморщенные от старости призраки в не стиранных вонючих саванах и с обрывками ржавых цепей на костяных руках-ногах, призраки, обитающие в замке. Которые деловито рас-

членяли Олию на кусочки в то время, пока Семён беспечно дрых: Семён глухо застонал от отвращения к самому себе.

– Что, зуб болит? – участливо поинтересовался Мар, но Семён не ответил и медальон не стал расспрашивать дальше.

Вход в замок нашёлся сразу, видно его было издалека, – высокий, арочный, без дверей и куда как ярче, чем стены – он был похож на обычный проход во двор сквозь корпус жилого дома, любимое место ночных алкоголиков и хулиганов. К сожалению, таких личностей никак не предвиделось... Эх, если б всё дело ограничилось лишь стычкой с пьяным хулиганьём, Семён и переживать не стал бы: уж как-нибудь разобрались бы, тем более, что Хайк и в полной темноте драться умеет, на звук! Увы – к тому, что ожидало Семёна внутри замка, вряд ли можно было применить боевое мастерство... Оставалось надеяться на себя, на своё умение. И на удачу.

Семён подошёл к входу, осмотрел его – никаких магических ловушек тут не было, скорее всего они располагались в замке, как же без ловушек да в таком месте, – вошёл в арочный проём и остановился, изучая обстановку; Хайк, почему-то неуверенно, последовал за Семёном.

Внутри замка имелся один единственный зал, просторный словно выставочный павильон на международной торговой ярмарке. Не было в зале никаких верхних этажей и перекрытий, окон и настенных драпировок, какой-либо мебели тоже не было – голое функциональное помещение, абсолютно пустое и невероятно высокое, залитое ровным синефиолетовым светом, от которого у Семёна немедленно заслезились глаза.

Чуть дальше от входа необъятный зал перегораживали многочисленные прозрачные стены, высокие, до потолка – перегораживали на первый взгляд как попало; где-то там, далеко, сквозь магические перегородки было видно массивное возвышение, похожее на алтарь, от него-то и исходило это жгучее сияние. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: в зале устроен лабиринт, запутанный и смертельно опасный. Но в чём была его опасность, Семён пока не знал.

На полу, среди прозрачных стен, там и сям лежали мертвецы. Некоторые из них уже истлели, превратившись в скелеты, некоторые мумифицировались и напоминали собой плохо сделанные восковые куклы: как понял Семён, в мумии превратились те, кого угораздило помереть аккурат в том месте, где проходила какая-либо магическая стенка.

А в трети пути к алтарю лежала Олия. Лежала, свернувшись калачиком, словно шла, шла, устала да и прилегла отдохнуть. Семён перевёл дух, попытался успокоиться – его вдруг ни с того, ни с сего начала бить нервная дрожь, совершенно не вовремя.

– Видишь? – шёпотом спросил Семён, обращаясь к одному Хайку, но ответили ему оба, и Хайк, и Мар:

– Нет, Симеон, ничего не вижу, мрак кромешный!

– Кажись, там что-то синенькое фиолетит... Я ж не такой глазастый на волшебство как ты! Но ощущаю – магии здесь до фи́га и больше... Свет включить?

– Внимание, – Семён повёл плечами и глубоко вздохнул, унимая дрожь. – Хайк, стой на месте и ничего не предпринимай, что бы ни случилось! Просто стой и наблюдай: если будет надо, я тебе крикну... Мар, давай освещение! Начинаем работу. – В ту же секунду в зале стало гораздо светлее. Не так, как в солнечный день, скорее как в ненастные вечерние сумерки, но и этого освещения хватило, чтобы Хайк увидел то же самое, что и Семён – кроме магических перегородок, разумеется; черепаховый боец коротко выругался.

– Охренеть можно, – изумился Мар, – и ты в эту жуть полезешь? Не знаю, что ты там видишь, но меня количество дохляков на погонный метраж пола впечатляет! Ты уж поосторожнее, ладно? Не хотелось бы... – чего ему не хотелось, медальон не сказал, но и так было понятно.

Семён подошёл к прозрачным стенам, постоял немного, покачиваясь с носка на пятку и прикидывая, с чего начать, потом неспешно прошёлся вдоль извилистой границы, за которой притаился в ожидании следующей жертвы магический лабиринт: Семён воспринимал его как живое существо. Живое, коварное и тупое.

Лицевые плоскости лабиринта сходились под разными углами, порой между ними был небольшой зазор, но пролезть в те щели Семён не мог, не таракан, чай! Надо было искать или щель пошире, или вход, если он имелся.

– А, вот ты где, – Семён остановился возле одной из перегородок: на ней явственно проступал чётко очерченный прямоугольный контур размером с обычную дверь. Проступал, но сам входной проём был закрыт, запечатан той же магией, из которой были созданы стены-перегородки.

– Что у нас тут? – Семён присел на корточки возле закрытой двери и принялся её тщательно осматривать, выкинув из головы все посторонние мысли и прикусив от усердия нижнюю губу: работа предстояла ещё та! С такими колдовскими запорами Семён никогда раньше не сталкивался...

Собственно, ничего сложного на первый взгляд не было: дверь покрывали небольшие матовые квадраты, разбросанные как попало, на которых имелись разные буквы – на каждом прямоугольнике по одной. Судя по всему, из тех букв надо было сложить некое слово или фразу, тогда дверь наверняка откроется, но какую? Семён прикоснулся к одному из квадратов пальцем, тот послушно сдвинулся с места.

– Мар, возникла небольшая проблемка, – вполголоса сказал Семён. – Замочек у двери не простой, а текстовый! Ты медальон опытный, мудрый, так что давай, подключайся! Я тебе продиктую буквы, а ты попробуй придумать из них что-нибудь осмысленное... Буквы-то не забудешь?

– Склерозом не страдаю, – гордо ответил Мар. – Диктуй! Авось справлюсь! Один из моих хозяев, грамотей, я тебе когда-то о нём рассказывал, очень любил всякие шарады и головоломки разгадывать, ну и я заодно в них поднаторел.

– Тогда слушай, – Семён принялся зачитывать буквы вслух. Букв было немного, на одно предложение от силы, но это предложение могло оказаться каким угодно!

– Думаю, что всякие ругательства можно сразу отбросить, – предположил Семён, закончив недолгое чтение. – И патриотические лозунги тоже. И стихи заодно, вряд ли создатель лабиринта стишатами баловался, не тот случай... Должно, по-моему, получиться что-то вроде: «Сезам, откройся!» Чтобы коротко и по существу.

– Буду соображать, – пообещал Мар, – только не отвлекай меня! Комбинируй, пробуй, а меня пока не отвлекай. – Медальон едва слышно принялся бормотать нечто маловразумительное: он уже взялся за решение неожиданной задачи.

Семён принялся двигать квадраты так и сяк, но всё время выходила какая-то ерунда; промучившись с полчаса, Семён решил немного передохнуть, хотя бы минутку. Сел, обхватив колени руками, и с ненавистью уставился на текстовый замок.

– Что-то не так? – спросил издалека Хайк, – Симеон, помощь не требуется?

– Сейчас ты мне не помощник, – уныло ответил Семён. – Замок гадский никак открыть не могу! Хитрый, понимаешь... Какой-то пароль набрать нужно, я пытаюсь, а ничего не получается... Полная бессмыслица из букв складывается! Хоть так, хоть эдак.

– Ты извини, что я не в своё дело лезу, но должен заметить, Симеон, что пароль совсем не обязательно должен быть осмысленным, – уверенно сказал Хайк. – Порой чем он абстрактней, тем надёжней!

– И что же делать? – Семён обернулся. – Эдак я до самой старости ковыряться с тем алфавитом буду! До потери зубов и полного облысения.

– Вообще-то если замок нельзя открыть, его ломают. Или вышибают, – Хайк присел на корточки, покопался в сумке. – Слушай, а может шар предсказаний как-то использовать можно? Давай я в него посмотрю, вдруг какую подсказку увижу? Что-нибудь нестандартное.

– Смотри, – задумчиво ответил Семён. – Почему бы и нет... Нестандартное, говоришь? Хм, а в этом что-то есть! Помню, был у меня кубик Рубика, игрушка такая с подвижными разноцветными гранями, я его всё никак собрать не мог, не получалось. Тогда я взял, сорвал с него все разноцветные наклейки и переклеил их по новой, так, чтобы кубик выглядел как собранный.

– А зачем? – поинтересовался Мар, тут же охотно перестав бормотать: ему, как и Семёну, до чёртиков надоело биться над неразрешимой загадкой. – Смысл какой?

– Больно он меня раздражал, несобранный, – Семён поднялся на ноги. – Переклеил и больше к нему не возвращался... я его на пачку жвачки потом обменял.

– И к чему ты клонишь? – устало спросил медальон. – Не вижу связи!

– Я тоже не вижу, – заверил его Семён. – Но попробовать надо!

– Чего попробовать? – Мар совсем запутался. – Кубики, наклейки, жвачки... Ничего не понимаю!

Семён промолчал: он в это время старался подцепить ногтём один из квадратов, но тот скользил по дверной плоскости, уходя от пальца; Семён придержал непослушный прямоугольник другой рукой и осторожно, понемногу, принялся отдирать магическую наклёпку ногтём от двери. Наконец это ему удалось: квадрат с буквой остался у Семёна в пальцах, а на двери вместо той оторванной буквы возникло отверстие – вначале маленькое, размером с бывший квадрат, – оно быстро разрасталось и через пару секунд в двери зияла брешь с ладонь величиной; тем временем квадрат в руке Семёна бесследно растаял.

– Вот так, – Семён довольно щёлкнул пальцами, – и никак иначе! Народ, пошла вода в хату, – он отодрал следующий квадрат, в этот раз всё получилось быстрее, сказывался опыт. – Ещё триста сорок шесть ведер, дорогой Карабас-Барабас, и золотой ключик у нас в руках!

– Час от часу не легче, – огорчился Мар. – Семён, у тебя с головой в порядке? Уже и ключик какой-то приплёл... Золотой?! Где?!

– Где-то в болоте, – Семён неопределённо мотнул головой, не отвлекаясь от работы. – У черепахи Тортиллы в сейфе заначен.

– Тогда Хайк должен её знать, – сделал вывод медальон. – Он из клана Болотной Черепахи, стало быть, наверняка о твоей Тротилле слышал, или как её там... А Тротилла – она тоже боец?

– А то, – многозначительно сказал Семён. – Непобедимый! Её все лягушки в болоте опасаются, как даст лапой по башке и конец. Квакнуть не успеешь!

– Э, да ты пошутил! – понял медальон. – Хе-хе, смешно! А кто такой Карабас? Из наших, из воров? Забавная кличка.

– Потом объясню, – Семён поддел ногтём очередную букву. – Не до сказок мне сейчас... Видел бы ты, во что дверь превратилась! Сплошная дыра, а не дверь, – он отодрал последний волшебный квадрат, отряхнул руки и, обернувшись к Хайку, крикнул:

– Готово! Ну, я пошёл, – Семён шагнул в контур дверного проёма.

– Удачи! – ответно крикнул Хайк, пряча шар предсказаний в сумку. – Всё будет хорошо, я видел! В трёх случаях из пяти, правда, но это даёт надежду... Ты, главное, стенок не касайся ни в коем случае!

– Уговорил, не буду! – Семён мысленно перекрестился и отправился в путь. Первые шаги дались с трудом, казалось, что опасные стены намагничены и притягивают к себе, но это всего лишь разыгралась фантазия: немного освоюсь, Семён пошёл уверенней – коридор лабиринта был достаточно широк, в нём вполне могли разойтись два человека.

Вскоре коридор разветвился, Семён выбрал то направление, которое вело к лежащей на полу девушке – однако выбор оказался неудачным, через десяток шагов коридор повернул совсем в другую сторону и вновь разветвился... Семён решил не глупить, иначе заблудится напрочь, а держаться одной стороны – рано или поздно, но он всё равно придёт к Олии!

Так Семён блуждал почти час, то приближаясь к девушке, то удаляясь от неё – казалось, что лабиринт бесконечен, хотя это было вовсе не так; в конце концов у Семёна возникло неприятное ощущение, что его попросту «водят» – а ну как стены могли сами по себе перемещаться, напрочь меняя планировку лабиринта? Тогда блуждать по этим опасным закоулкам предстояло очень долго! Что Семёна никак не устраивало.

Семён хотел было уже поделиться своими опасениями с Маром, когда неожиданно вышел в длинный прямой коридор, заканчивающийся самосветным фиолетовым алтарём; алтарь сиял настолько свирепо, что Семёну пришлось смотреть на него сквозь щелку между пальцами.

– Так-так, – оживился Мар, – Здорово! Пошли мы, значит, за водицей, а нам вина налили, ха! Семён, давай-ка сходим к этой фигне, глянем, чего там и как. Сдаётся мне, что ждёт нас там нехилый сюрприз, но не знаю, какой.

– Мне Олию вытаскивать надо, – хмуро возразил Семён. – К чёрту те сюрпризы, и без них уже тошно...

– Семён, ты не прав, – Мар был непреклонен. – Сам посуди, на хрена этот запечатанный лабиринт был создан? Ясен пень, чтобы никто к столу не подошёл!

– К какому столу? – Семён прищурил глаза, но и так – с прищуром и сквозь пальцы – он всё равно не смог увидеть ничего определённого в обжигающем сиянии.

– Стол там каменный, – великодушно пояснил Мар. – На столе железный стакан обычного вида... Бутылку и закуску не вижу, наверное выпили и за ножку пустую тару сунули. А закуску сожрали! Э, небось и тут алкаши побывали, ох и пронырливый народец! Везде они есть, мерзавцы, даже в колдовских лабиринтах водятся... О чём это я сказать хотел? А, вспомнил. Мне так кажется, что ежели подойти к тому столу, то лабиринт должен исчезнуть – ты ведь достигнешь цели, ради которой всё это отгрохали! Ну, может, ещё чего сделать придётся: колдовство какое порушить или очередной дурацкий пароль взломать, типа свой приход отметить, так это ж запросто! Мы уже опытные. Ну и сюрприз забрать, если он там есть, если алкаши его не упёрли... Не зря же ты битый час жизнью рисковал, заслужил!

– Эт-точно, – Семён потёр глаза, слёзы от сварочного сияния текли не переставая, – заслужил, факт. Давай попробуем, может, и впрямь лабиринт исчезнет... Но мне на ощупь идти придётся, а то я ослепнуть могу! Ты мне подсказывай прямой путь, чтобы я в стенку ненароком не вписался. Ни шага влево, ни шага вправо, понял?

– Не беспокойся, не впишешься, – успокоил его медальон. – Проведу тебя словно по ниточке! Ты, главное, не торопись, иди как на похоронах – медленно и торжественно. Не спеши.

– Тоже мне, нашёл сравнение, тьфу на тебя! Договорились, – Семён встал на середину коридора, зажмурился, плотно закрыл глаза ладонью и неторопливо, то и дело останавливаясь, пошёл к столу.

– Чуть левее! Чуть правее! Опять левее, – бодро командовал Мар. – Верным путём идёшь, товарищ Симеон!... А теперь правее, правее, кому говорю! Обратно левее...

– Что-то нитка у тебя чересчур кривая получается, – буркнул Семён, – по такой только пьяным ходить, в доску пронырливым. Как те, что стакан оставили.

– Ничего не поделаешь, – флегматично сказал медальон. – И рад бы тебя прямо вести, да ты ж меня не слушаешься, всё норовишь в сторону уйти. погоди, а может у тебя ноги разной длины? Поэтому тебя и заносит куда не надо. Признайся – разной?

– Это язык у тебя разной длины, – огрызнулся Семён. – Когда не надо длинный, а когда надо, короткий.

– Значит я – феномен, – обрадовался Мар. – Несомненно!

– Сказал бы я тебе, какой ты на самом деле феномен, – Семён остановился, пошарил перед собой рукой, ничего не нащупал, – да ругаться некогда. Давай, Сусанин, веди дальше!

– А Сусанин – это хорошо или плохо? – немедленно встревожился медальон. – Я неправильно чего-то делаю?

– Хорошо это, хорошо, – Семён успокаивающе похлопал по медальону ладонью, – не переживай. Он в лес врагов завёл, они там и померли от голода и волков... Ну, Мар, направляй дальше! Хватит о пустяках трепаться.

– Ничего себе пустяки, – возмутился медальон. – Враги, лес, волки! Драма жизни и смерти! Жуть.

– Мар! – грозно прикрикнул Семён. – Кому сказал, кончай болтать! Сделаем дело, тогда и трепись смело.

– Да пришли мы, пришли, – спохватился медальон. – Стол перед тобой, всего в двух шагах, – Семён сделал эти два последних шага и упёрся животом в столешницу: вытянув руку, он пошарил ладонью по холодной поверхности, тут же ненароком зацепил что-то тяжёлое – оно, тяжёлое, повалилось на бок, с дробным перестуком покатилося по столешнице и упало на пол. В тот же миг слепящий свет, ощутимый даже через пальцы, исчез; Семён отнял ладонь от лица и открыл глаза.

Перед ним находился приличных размеров стол, действительно каменный, из малахита. Узорчатая столешница была пустой, Семён заглянул под неё – никаких выдвижных ящичков у стола не имелось. И пустых бутылок за ножками тоже не нашлось. Семён подобрал упавший стакан, а когда выпрямился, то обнаружил, что магические стены исчезли. Все. Разом.

– Мар, сработало! И взламывать ничего не пришлось, – Семён посмотрел в сторону Олии: путь к ней был свободен. Так и держа стакан в руке, Семён кинулся к девушке.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворённо сказал медальон. – Я, как всегда, был прав... Семён, ты куда?! Стол, стол получше осмотри, зря он, что ли, сиял?! Может, сила в нём великая, ты хоть ножку отломи, на всякий случай! – но Семёну плевать было и на стол, и на его великую силу: подхватив Олию на руки, Семён опрометью кинулся прочь из зала. На выходе из замка Хайк попытался было взять девушку из рук Семёна, но тот рыкнул на него и промчался мимо; Хайк потрусил следом.

Над островом светало: звёзды поблекли, в сером утреннем небе разгоралась утренняя заря – первое ложное солнце, холодное, неяркое, уже показалось из-за леса.

Лишь отбежав от замка на приличное расстояние, почти к самому берегу, Семён остановился и, осторожно положив Олию на землю, смог наконец отдышаться. Кашляя и отплевываясь, он немного походил по берегу – Хайк в это время, присев на корточки, занялся девушкой: пощупал у неё пульс на шее, приподнял веко и заглянул в зрачок; вёл себя черепашков боец словно заправский врач.

– Как Олия? – Семён подошёл к Хайку, – жива?

– Жива, – Хайк встал. – Вполне жива! Только спит она, очень крепко спит. Надо бы её, Симеон, к толковому специалисту... Моих познаний всё же маловато, чтобы точный диагноз поставить.

– К врачу, конечно! Сейчас организуем. Мар, ты... – Семён повёл было рукой в сторону спящей девушки и обнаружил, что всё ещё держит прихваченный из замка железный стакан – небрежно сунув посудину Хайку в сумку, Семён продолжил:

– Мар, давай-ка перенеси нас в хорошую больницу! В самую лучшую!

– Тогда нам на Перекрёсток надо, в военный госпиталь, – предложил медальон. – Там спецы классные! За деньги всё что хочешь сделают. Но берут дорого, учти.

– Без разницы, – махнул рукой Семён, – заплатим, есть золото в золотовницах... Давай, включай перенос! Быстрее!

– Сначала переоденься, – потребовал Мар. – Завалишься в военную больницу в таком виде, никто с тобой разговаривать не будет! Два подозрительных оборванца с беспамятной девушкой на руках, мда... Сначала вас всех арестуют, оборванцев то есть, а уж потом разбираться с девушкой станут.

– Верно, – Семён поспешно изменил свой наряд: чёрное трико превратилось в добротный тёмно-коричневый костюм неважного покроя, из числа тех, что носят всякого рода мелкие имперские чиновники в Мире Перекрёстка – Семён не хотел привлекать к себе излишнего внимания, – с белой рубашкой и коричневым галстуком; мягкие туфли стали твёрдыми и тоже коричневыми.

– То, что надо, – одобрил Мар. – Натуральный бюрократ! Сойдёт.

– Давай, включай переброс, – Семён взял Олию на руки.

– Момент, – утренний неяркий свет моргнул, сменившись полуденным, матовым и жарким; остров с замком, озеро, всё исчезло: вместо них теперь была голая, выжженная суховеем равнина от одного, задранного вверх, горизонта, до другого, такого же неправильного – будто стояли Семён и Хайк на дне безразмерной чаши; вдалеке по равнине цепочкой протянулся ряд громадных решетчатых башен, железных и ржавых, за башнями виднелись развалины города; в равномерно-белом знойном небе солнца не было. Вообще.

– Ты куда нас приволок? – вне себя заорал Семён, – это разве Перекрёсток? Где обещанный госпиталь, где врачи?!

– Ничего не понимаю, – растерянно ответил Мар. – Ну-ка, ещё раз... – безжизненная равнина сменилась изумительно красивым зимним пейзажем: Семён и Хайк стояли на заснеженной скале – внизу, под скалой, на ледяном берегу копошилось множество пингвинов; за льдиной начинался безбрежный океан, над которым клубились тяжёлые серебряные облака, из облаков в океан били ветвистые молнии; поверх облаков раскинулась широкая радуга – маленькое холодное солнце висело под радугой как бубенчик на хомуте свадебной лошади.

– Опять не то! – с досадой воскликнул Мар. – Ну совершенно ничего не понимаю! Адрес верный, транспортное заклинание свежее, всё делаю как надо, а носит по Мирам куда попало, как дурака по ярмарке.

– Пытайся дальше, – мрачно сказал Семён. – Сначала найдём людей, а после будем разбираться, что с твоим заклинанием приключилось.

– Ничего с ним не приключилось, – отрезал Мар. – Я его уже протестировал: нормальное заклинание, рабочее... – ледяной Мир с пингвинами и радугой исчез; новый Мир был не так красив, но зато в нём обитали люди.

Семён, с Олией на руках, и Хайк, с сумкой на плече, очутились в каком-то первобытном селении: высокие хижины, сделанные из толстого бамбука, с покатыми крышами из пальмовых листьев, обступали их со всех сторон; ни дорожки, ни тропинки – вся земля вокруг поросла густой травой. Словно здесь и не ходили.

Солнце в небе этого Мира было обычным, нормальных размеров и не холодное – Семён мельком глянул вверх, день близился к полудню, – воздух, сырой и тёплый как в бане, пах незнакомыми цветами и свежезаваренным кофе.

Возле ближних хижин играли смуглые то ли от рождения, то ли от загара дети, на редкость чистые и ухоженные для такого места: увидев пришельцев, малыши вовсе не испугались, а с любопытством уставились на них; где-то неподалёку находились и взрослые жители посёлка, Семён слышал их неразборчивые голоса.

– Не может быть! – ахнул Мар. – Нет, только не это! Едем дальше! Куда угодно, но дальше.

– Стой! – приказал Семён. – Остаёмся! Хватит, нагулялись уже... Ты, собственно, почему задёргался-то, а? Тут разве людоеды какие живут или вампиры? С чего такая паника, ну-ка, признавайся.

– Это ж Пёстрый Мир, – неохотно ответил медальон. – Мало того, мы ухитрились попасть именно в ту деревню, где живёт колдун, тот самый, у которого мой последний хозяин адресок Хранилища с золотом вытряхивал. Того Хранилища, откуда ты меня забрал.

– Колдун там, не колдун, какая разница, – Семён осторожно положил Олию в траву. – Даже хорошо, что колдун. Они, колдуны-шаманы, в медицине худо-бедно, но разбираются! Должность обязывает.

– Тогда спрячь меня под рубашку, – попросил Мар. – Не надо, чтобы колдун-шаман меня увидел. Очень не надо!

– Почему? – Семён кинул медальон за пазуху. – Сильно вы его со своим хозяином обидели, да?

– Сильно, – признался Мар. – Могут быть неприятности, если шаман меня опознает: они, гады колдучие, до хрена памятьные! Все, как один.

– А где его искать-то? – Семён постучал себя по груди. – Эй, партизан-подпиджачник! Где твой шаман живёт?

Мар не ответил, вместо него сказал Хайк:

– Симеон, а вон тот мужик, что из соседней хибары вышел, случаем, не колдун? Здорово похож на поселкового мага! Он, между прочим, сюда идёт, – Семён повернулся навстречу шаману.

Сомнений не было: к ним шёл колдун. Большой грузный мужчина, темнокожий, босой, в зелёной накидке вроде мексиканского пончо, подпоясанный кожаным ремешком. На голове поселкового мага сидела неуместная по сезону меховая шапка, украшенная длинными зелёными перьями; на могучей груди колдуна висело с пяток разнокалиберных ожерелий из черепов всяких лесных зверушек, а на тонком поясе болталась тыква-погремушка с ручкой – в тыкве на каждом шагу что-то громко постукивало. В руке колдун держал медную кружку, мятую, закопчённую, из которой то и дело прихлёбывал прямо на ходу: от кружки шёл терпкий лекарственный запах.

Колдун подошёл к Семёну, оглядел его с ног до головы – на Хайка шаман внимания не обратил, – и, приложившись к кружке, спросил простуженным басом:

– Миссионер, что ли? Учти, нам миссионеры не нужны! Проваливай туда, откуда явился. Пока я добрый. – Колдун заглянул в кружку, страдальчески приподнял кустистые брови и вновь отхлебнул из неё.

– Нет-нет, – поспешно заверил его Семён. – Мы не миссионеры! Мы... э-э... вольные путешественники. Туристы мы! У нас беда: девушка наша приболела, спит и не просыпается, а вы, говорят, целитель могущественный, умелый... Посмотрите, что с ней?

– Кто говорит? – ничуть не удивившись, спросил колдун.

– Все, – не моргнув глазом, отрапортовал Семён. – Кого ни встретим, так все и говорят: великий шаман в зелёном, лечит что угодно! И берёт за работу недорого.

– Брешут, – надменно процедил колдун, выплеснул остатки питья на землю, сплюнул с отвращением. – Брешут, что недорого. Ну, пошли, – он повернулся и потопал к своей хижине. Семён подмигнул Хайку, тот понял намёк по-своему: подняв Олию, он перекинул её через плечо и направился к хижине колдуна; Семён хмыкнул и пошёл за ним.

В хижине творился настоящий бедлам, словно в ней порезвилась стая пьяных бабуинов: разбросанная по полу битая посуда, какие-то рваные тряпки где попало, перевёрнутая в углу лежанка с разворошенной постелью; вдоль ближних стен валялись пучки сухих трав,

засыпанные обломками стульев; на дальней стене, прилепившись животом к бамбуковым стволам, висела башкой вниз упитанная жаба с кроваво-красными глазами. Жаба то и дело напрягала лапки и вытягивала голову, словно порывалась отклеиться от стены и прыгнуть вниз, но не отклеивалась и не прыгала – взгляд её слепо шарил по комнате, ни на чём особо не останавливаясь; короче, вид у хижины внутри был ещё тот! Очень и очень настораживающий.

У самого входа лежал разбитый вдребезги глиняный кувшин, крупные черепки которого тлели как угли; Семён едва успел схватить Хайка за куртку и остановить его – останки кувшина мерцали не простым, а магическим светом, для черепахового бойца невидимым.

– На осколки не наступите, – не оборачиваясь предупредил колдун, – они превращательной силой Куандо заряжены, того и гляди в ящериц обратитесь. – Семён перепрыгнул через оранжевые черепки, Хайк покосился на Олию и попросту их обошёл.

– Не обращайтесь внимания на погром, – колдун, громко сопя, поставил на место лежанку, заправил постель. – Сгружайте вашу девицу сюда, а я пока приберусь, – он походил по хижине, брезгливо вороша ногой тряпки, нашёл и вытащил из-под скомканного одеяла совок, веник, и, помахав ими в воздухе словно остужая, принялся подметать черепки; Хайк положил Олию на постель.

– Ходят тут всякие, – брезгливо сказал колдун, замечая осколки на совок, – а потом у ящериц говорящие детёныши появляются... Да не о вас я! – колдун махнул веником в сторону встрепенувшегося Семёна. – Это шаман-первогодок из соседнего посёлка утром приходил, опять со мной силой задумал меряться, недоумок. Надоел хуже банановой запеканки, сколько ж можно... Я его по-хорошему в прошлый раз предупредил – уймись, не то худо будет, ан нет, опять припёрся! Надрался с утра для храбрости и припёрся. Драку устроил, разорение, порчу на меня чихом пускал... с собой её притащил, в носу. Вот, дочихался. У меня всего-то простуда, а он сейчас под камнем где прячется. – Колдун выкинул черепки вместе с совком и веником за порог. – Эй! – высунув голову за дверь, зычно крикнул он. – Ко мне не ходить! Детей с улицы забрать, всем дома сидеть! Кто не услышал – я не виноват, – закрыв дверь, колдун обернулся к гостям.

– Давай, миссионер, рассказывай, что с девушкой приключилось. – колдун снял шапку с головы, небрежно швырнул её в сторону: шапка зигзагом пролетела по хижине, выискивая чистое место, не нашла и шлёпнулась на обломки стульев. – Как уснула, почему, всё рассказывай, – колдун сел на пол, похлопал рядом с собой ладонью: Семён и Хайк сели напротив.

– Я – не миссионер, – терпеливо напомнил Семён, – я...

– А мне без разницы, кто ты, – поселковый маг сложил руки на груди. – Я тебя так назвал, значит, им ты и будешь. А ты, – он ткнул пальцем в сторону Хайка, – его помощник. Ну, Миссионер и Помощник, говорите, не тяните время! У меня дел по горло, вечером приём больных назначен: разных порченных с пяток, со сглазом трое... полтора зомби на повторное зомбирование, тоже возни достаточно.

Семён хотел было спросить, как это – полтора зомби? Но не решился.

– Она, Олия... – начал Семён, но шаман резко поднял руку и зажал Семёну рот:

– Без имён! Соображай, куда пришёл, – колдун не сразу убрал руку от лица опешившего Семёна. – Зря я, что ли, ваших имён знать не хочу и своё вам не называю? – колдун обвёл хижину тяжёлым взглядом. – Когда почищу в доме всё, тогда можно и представляться друг другу. Этот, что ящерицей стал, успел-таки во время драки именно проклятье куда-то вклеить! Убивательное проклятье, то ли на меня настроенное, то ли вообще... – Семён глянул поверх головы колдуна: жаба на стене беспокойно ёрзала, изо всех сил упираясь лапками в бамбучины, и вот-вот должна была отлепиться от стены – её красные глаза смотрели на Олию. Только на неё.

– Вот оно, именное проклятье! – завопил Семён, вскакивая на ноги. – Вот оно! – подбежав к стене, Семён что было сил врезал по жабе кулаком, припечатав её к твёрдому бамбуку. В тот же миг жаба, утробно вякнув, рассыпалась зелёными брызгами; в хижине мерзко завоняло болотной гнилью.

– Молодец, – одобрительно сказал колдун, помахивая перед носом ладонью. – Прыткий ты, как я погляжу! Живым взглядом заклятье увидел, о! Нет, ты не миссионер, ты – шаман. Знатный шаман, но совсем необученный: зачем рукой бил? Надо было костяной иглой проткнуть, заговоренной. Тогда бы без вонии обошлось... Хочешь ко мне в ученики?

– Я подумаю, – пообещал Семён, вытирая руки взятой с пола тряпкой. – Но сначала разбудите Олию. А там видно будет...

– Значит, не хочешь, жа-аль, – с сожалением протянул колдун. – Ну что ж, вольному воля. Садись, молодой чародей, говорить будем. А ты, – колдун мельком глянул на Хайку, – ты пойдешь дверь отвори, пошире. Ни к чему нам всякой гадостью дышать. – Хайк послушно встал и отворил дверь.

– Меня зовут Йокомбе, – громогласно изрёк колдун, воздев руки к потолку. – Я – самый сильный шаман в округе! Меня все боятся, мне все поклоняются, передо мной все трепещут и так далее, и тому подобное... Уф! Официальная часть закончена. Теперь оба садьтесь, как сидели, представьтесь и подробно расскажите, что стряслось с вашей девицей. Предупреждаю: за излечение от всякого рода магических недугов я беру дорого, не менее одной козы или четырёх поросят, хотя иногда, в особо сложных случаях, и дойной коровы в уплату бывает мало! Но тебе, молодой чародей, я сделаю поблажку как очистившему мой дом – подаришь мне чего-нибудь и ладно! Золотую монету, например.

– А если две? – поинтересовался Семён, усаживаясь перед колдуном-шаманом. – Но с гарантией того, что вы сделаете всё возможное для Олии!

– Согласен, – быстро ответил шаман. – Но деньги – вперёд!

Семён усмехнулся и полез в кошелек с золотом.

Глава 5

Столп – Легенды И Много Пива

Шаман Йокомбе перестал трясти над Олией своей погремушкой, устало вытер пот со лба и отошёл от лежанки, вешая погремушку на пояс.

– Готово, – он кивнул Семёну и Хайку, стоявшим поодаль и сильно переживавшим за исход лечения, – можете подойти, посмотреть на вашу девицу. Жить будет, хотя могла вскоре и помереть, во сне... У неё совсем жизненной силы не осталось! Вовремя вы её ко мне принесли, крайне вовремя. – Йокомбе выдернул из-под обломков стульев пучок сухой травы, достал из кармана накидки трубку с кресалом, присел на корточки и, набив трубку травой, с удовольствием закурил.

Семён и Хайк подошли к лежанке, посмотрели: лицо Олии порозовело, сейчас она спала обычным, нормальным сном. Не колдовским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.